

А. В. Майоров

ДОЧЬ ВИЗАНТИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА ИСААКА II В ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ: КНЯГИНЯ И МОНАХИНЯ

О византийском происхождении второй жены Романа Мстиславича

Вопрос о втором браке Романа Мстиславича имеет большую литературу, возникшую ввиду разногласий историков по поводу происхождения новой жены князя, носившей, как думают одни, имя Анны или, как считают другие, Марии¹. Русские летописи не дают никаких указаний на этот счет; галицкий же летописец и вовсе старательно уклоняется от того, чтобы называть княгиню по имени, предпочитая именовать ее иносказательно, по имени мужа — «великая княгиня Романова»².

Недостаточно убедительной представляется версия о ее происхождении из среды волынского боярства, поддерживаемая некоторыми новейшими исследователями, чьи аргументы в основном сводятся к тому, что к началу XIII в. на Руси уже не оставалось князей, родство с которыми было бы политически необходимо Роману³. Еще менее обоснованным, на наш взгляд, является высказанное недавно предположение, будто вторая жена Романа была женщиной низкого происхождения и вообще не являлась законной женой князя⁴.

Вместе с тем в литературе вопроса значительное развитие приобрела версия византийского происхождения второй жены Романа Мстиславича, впервые предложенная еще в XIX в. и в настоящее время наиболее полно аргументированная И. Гралея, Л. В. Войтовичем и Д. Домбровским⁵.

К важнейшим аргументам в пользу такой версии можно отнести следующие. Никто из Рюриковичей не считался близким родственником потомками Романа Мстиславича от второго

¹ Наиболее полный обзор мнений см.: *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich*. Poznań, 2002. S. 34–40.

² ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 726, 727, 733–734, 735.

³ *Котляр Н. Ф.* 1) Галицко-Волынская Русь и Византия в XII–XIII в. (связи реальные и вымышленные) // Южная Русь и Византия. (К XVIII конгрессу византинистов) / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1991. С. 95–97; 2) *Дипломатия Южной Руси*. СПб., 2003. С. 97–102; *Головко О. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII – початку XIII століття. Київ, 2001. С. 141–142. — Возражения см.: *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich*. S. 37; *Войтович Л.* Мати короля Данила (зауваження на полях монографії Д. Домбровського) // Княжа доба. Історія і культура / Відп. ред. Я. Ісаєвич. Львів, 2007. Вип. 1. С. 48–50.

⁴ *Толочко О.* Як звали другу дружину Романа Мстиславича? // *Confraternitas*. Ювілейний збірник на пошану Ярослава Ісаєвича. Львів, 2006–2007. С. 99.

⁵ *Grala H.* Drugie małżeństwo Romana Mścisławicza // *Slavia Orientalis*. Warszawa, 1982. R. XXXI. № 3–4; *Войтович Л. В.* 1) Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль. Львів, 2000. С. 67, 71–72, 224, 376, 380–381, 402; 2) Роман Мстиславич і утворення Галицько-Волинського князівства // *Галичина і Волинь в добу середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького*. Львів, 2001 (Історичні та культурологічні студії. Вип. 3). С. 22–23; 3) Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 484; *Dąbrowski D.* 1) *Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich*. S. 34–40; 2) *Genealogia Mścisławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku)*. Kraków, 2008. S. 265–266.

брака и не оказывал покровительства его сыновьям, когда они остались малолетними сиротами после гибели отца. Истолковать этот факт в пользу происхождения Романовой вдовы из среды волынского боярства и тем более подкрепить им версию о ее низком происхождении и незаконном статусе едва ли возможно, поскольку, как известно, свое родство с вдовой Романа признавали польский князь Лешко Белый и венгерский король Андрей II: Лешко называл ее «ятровью»⁶, точно так же своей «ятровью» называл ее и Андрей⁷.

«Ятровь», или «ятры», в древнерусском языке в прямом смысле слова означало «невестка, жена брата»⁸. Роман Мстиславич и Лешко Белый как прямые внуки Болеслава III Кривоустого (1102–1138 г.) приходились друг другу двоюродными братьями, и поэтому вдова Романа вполне подходила под определение «ятрови» Лешка. С Андреем II родство Романа было более отдаленным: будучи правнуками Мстислава Владимировича (1125–1132 г.), они могли считаться братьями только в третьей степени. При столь отдаленном родстве, по мнению Л. В. Войтовича, венгерский король мог признавать вдову Романа своей «ятровью» лишь ввиду их близкого родства с византийскими императорами⁹.

О византийском происхождении второй жены Романа свидетельствует также появление у сыновей и внуков этой четы необычно большого числа греческих имен, среди которых было несколько совершенно нетипичных для Рюриковичей, никогда ранее не встречавшихся у русских князей, — Даниил, Саломея, София, Иракий, Лев¹⁰.

В пользу родства новой галицкой княгини с династией Ангелов могут свидетельствовать сообщения западноевропейских и русских источников о посещении свергнутым императором Алексеем III Галича после захвата Константинополя крестоносцами¹¹. На прямые контакты галицко-волынского князя с императором Алексеем указывает сообщение новгородского паломника Добрыни Ядрейковича, видевшего в Константинополе послов Романа Мстиславича (май 1200 г.)¹².

Брак Романа с некоей знатной византийкой, возможно даже родственницей византийского императора, мог быть заключен как результат, а может быть, и условие военно-политического союза галицко-волынского князя с Алексеем III, сложившегося в последние годы XII в. Выражением этого союза явились успешные наступательные действия галицко-волынского князя против половцев, что остановило их набеги на Византию, приобретшие к тому времени невиданный доселе размах¹³.

Династические браки как средство внешней политики империи

Посредством династических браков правители Византии стремились решать самые острые внешнеполитические проблемы империи, умиротворяя своих врагов и приобретая союзников. Именно таким способом Исаак II, к примеру, сумел урегулировать отношения с Сербией и Венгрией. Свою племянницу Евдокию Ангелину (младшую дочь будущего императора Алексея III, находившегося в то время в изгнании в Палестине) Исаак выдал за сына великого жупана Стефана

---

⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 719.

⁷ Там же. Стб. 717, 727–728.

⁸ Так это выражение толкуется в словаре И. И. Срезневского, где в качестве примера приводится, в частности, интересующее нас упоминание Ипатьевской (Галицко-Волынской) летописи о «великой княгини Романовой» как «ятрови» венгерского короля (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3-х т. М., 2003. Т. III. Стб. 1673–1674).

⁹ Войтович Л. Мати короля Данила (зауваження на полях монографії Д. Домбровського). С. 46–47.

¹⁰ Grala H. Drugie małżeństwo Romana Mścislawicza. S. 123; Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. S. 38–40; Войтович Л. Мати короля Данила (зауваження на полях монографії Д. Домбровського). С. 55.

¹¹ Подробнее см.: Майоров А. В. Известия Длугоша и Густынской летописи о посещении византийским императором Алексеем III Галича в 1204 году // *Prospice sed respice: Проблемы славяноведения и медиевистики*. Сб. науч. ст. в честь 85-летия В. А. Якубского. СПб., 2009.

¹² Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями П. Саввантова. СПб., 1872. С. 78–79.

¹³ См.: Grala H. Rola Rusi w wojnach bizantyńsko-bułgarskich przełomu XII i XIII w. // *Balkanica Posnaniensia. Acta et Studia*. Poznań, 1985. Т. II.

Немани, будущего сербского царя Стефана Первовенчанного¹⁴. На юной дочери короля Белы III василевс женился сам, и этот брак привел не только к прекращению враждебных действий правителя Венгрии, но и к возвращению империи отнятых у нее прежде территорий на Балканах¹⁵. В 1193 г. для укрепления союза с новым королем Сицилии Танкредом (1190—1194 г.) Исаак выдал за его сына и соправителя Рожера III (1190—1193 г.) свою дочь Ирину¹⁶.

Эту политику продолжил преемник Исаака II Алексей III. По сообщению Никиты Хониата, он собирался выдать своих дочерей Анну и Ирину за иностранных христианских государей, чтобы обратить их к союзу с Византией¹⁷. Свою внучку Феодору, дочь Анны от первого брака с севастократором Исааком Комнином, император отдал за двоюродного брата болгарского царя Калояна по имени Иванко, перешедшего на сторону Византии и принявшего новое имя Алексей¹⁸. Не имея возможности силой подавить мятеж бывшего византийского наместника в Македонии Добромира Хриза, объявившего себя независимым правителем, Алексей III заключил с ним мир и выдал за него одну из своих родственниц¹⁹.

Нет никаких сомнений в том, что наиболее влиятельные и сильные в военном отношении русские князья в конце XII в. также входили в орбиту матримониальных расчетов византийских императоров. Об этом свидетельствует отмеченный в Ипатьевской летописи под 1194 г. эпизод сватовства к внучке киевского великого князя Святослава Всеволодовича Евфимии Глебовне некоего византийского «царевича». Сваты прибыли в Киев, когда Святослав был уже при смерти: «приде емоу вѣсть ѿ сватовъ, иже идахоуть поимати вноукуы Стославль Глебовны Ѡфимьи за црѣвича»²⁰.

Факт сватовства, зафиксированный в аутентичном древнерусском источнике, как правило, не вызывает у исследователей сомнений. По-видимому, упомянутым в летописи «царевичем» мог быть сын византийского императора Исаака II Алексей, будущий император Алексей IV²¹. В литературе обычно смотрят на возможный брак «царевича» с Евфимией Глебовной как на свершившийся факт²². Однако совершенно очевидно, что до заключения брака дело тогда не дошло. Этому помешала кончина Святослава Всеволодовича, последовавшая вскоре за сватовством «царевича»²³. Отец же Евфимии — Глеб Святославич, бывший тогда переяславским князем²⁴, — едва ли мог заинтересовать византийского императора в качестве важного союзника. Правда, Глеб был женат на дочери Рюрика Ростиславича²⁵, сменившего Святослава Всеволодовича на киевском столе, и Евфимия Глебовна, таким образом, приходилась внучкой новому киевскому князю. Однако в

¹⁴ *Ласкарис М.* Византиске принцезе у средњовековној Србији. Пролог историји и византиско-српски односи од краја XII до средина XV века. Београд, 1926. С. 24—31; *Каждан А. П.* Когда Евдокия вышла замуж за Стефана Неманича? // *Источники и историография славянского средневековья*. М., 1967. С. 216—217.

¹⁵ *Moravcsik Gy.* Byzantium and the Magyars. Budapest, 1970. P. 92—94; *Makk F.* The Arpads and the Comneni. Political relations between Hungary and Bizantium in the 12th century. Budapest, 1989. P. 112—113, 120—121.

¹⁶ *Βάρζος Κ.* Η γενεαλογία των Κομνηνών. Θεσσαλονίκη, 1984. Τ. 2. Σ. 814.

¹⁷ *Nicetae Choniatae Historia* / Rec. I. A. van Dielen. Berolini; Novi Eboraci, 1975. P. 508. — Русский перевод см.: *Никита Хониат*. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II / Пер. под ред. проф. Н. В. Чельцова. СПб., 1862. С. 224.

¹⁸ *Βάρζος Κ.* Η γενεαλογία των Κομνηνών. Τ. 2. Σ. 507—511.

¹⁹ *Nicetae Choniatae Historia*. P. 507. — Русский перевод см.: *Никита Хониат*. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II. С. 223.

²⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 680.

²¹ *Грушевський М. С.* Історія України — Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 215; *Лопарев Х. М.* Брак Мстиславны (1122 г.) // *Византийский временник*. СПб., 1902. Т. IX. С. 419; *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 382; *Baumgarten N. de.* Généalogies et mariages occidentaux des Ruricides Russes. Du X au XIII siècle. Roma, 1927 (*Orientalia Christiana*. IX. Ser. I. Nr. 35). Tabl. IV; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 496—497; *Паушто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 201; *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983. С. 271; *Grala H.* Rola Rusi w wojnach bizantyńsko-bułgarskich przełomu XII i XIII w. S. 127; *Войтович Л. В.* Князя доба на Руси: портрети еліти. С. 409; *Dąbrowski D.* Genealogia Mściślawowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). S. 459.

²² См., например: *Грушевський М. С.* Історія України — Руси. Т. II. С. 215; *Baumgarten N. de.* Généalogies et mariages occidentaux des Ruricides Russes. Du Xe au XIIIe siècle. Tabl. IV; *Войтович Л. В.* Князя доба на Руси: портрети еліти. С. 409.

²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 680—681.

²⁴ См.: *Донской Д. В.* Рюриковичи. Исторический словарь. М., 2008. С. 233.

²⁵ Брак был заключен в 1182 г. (ПСРЛ. Т. II. Стб. 625).

источниках нет никаких сведений о свадебном посольстве к Рюрику сына византийского императора с подтверждением прежних брачных намерений. Кроме того, сам византийский император Исаак II вскоре оказался свергнутым с престола, а его сын Алексей должен был искать себе влиятельных покровителей среди предводителей Четвертого Крестового похода²⁶.

В Константинополе, тем не менее, продолжали внимательно присматриваться к правившим на Руси князьям, и прежде всего к новому киевскому князю Рюрику Ростиславичу. Об этом прямо свидетельствуют данные византийских авторов того времени.

Выдающийся историк и государственный деятель Никита Хониат (ок. 1155 — ок. 1217г.), занимавший при Исааке II должность императорского секретаря, а затем наместника в Филиппополе (совр. Пловдив) и достигший вершин карьеры при Алексее III, получив ряд высших должностей в империи и дослужившись до чина логофета секретов, идентичного в то время чину великого логофета (главы правительственного кабинета), отмечает в своей «Истории» важнейшие факты политической жизни Южной Руси конца XII — начала XIII в., имевшие значение для внешней политики империи²⁷.

Византийские власти, очевидно, по-прежнему делали бы ставку на киевского князя как традиционно наиболее сильного князя Руси, если бы в конце XII в. не взошла звезда другого южнорусского правителя, объединившего под своей властью Волынь и Галичину и начавшего борьбу за Киев. По оценке Никиты Хониата, киевский князь Рюрик уступал галицкому князю Роману, более сильному и искусному в военном деле. Кроме того, в политике Рюрика Византию не устраивала его приверженность к союзу с половцами, которые составляли главную часть его войска, разбитого Романом²⁸.

Предположение о женитьбе Романа на представительнице рода Каматиров

По предположению И. Грали, союз Алексея III Ангела с Романом Мстиславичем против болгар и половцев был скреплен браком галицко-волынского князя с Марией Каматирой, родственницей императрицы Евфросинии, супруги Алексея III. Род Каматиров принадлежал к верхушке византийской знати: в конце XII — начале XIII в. из него вышли два константинопольских патриарха и множество царедворцев. Константинопольский патриарх Иоанн X Каматир (1198—1206 г.), по мысли Грали, должен был способствовать расторжению первого брака Романа Мстиславича с Предславой, дочерью киевского князя Рюрика Ростиславича, женатого на половецкой княжне и поддерживавшего союз с половцами. В конце жизни вдова Романа не случайно поддерживала своего сына Даниила в его стремлении к унии с Римом, так как среди членов рода Каматиров было несколько видных сторонников такой унии²⁹.

Гипотезу И. Грали поддерживает Е. Домбровская, приводя в ее пользу дополнительные аргументы, в частности тот факт, что Мария приходилась близкой родственницей — дочерью, племянницей или внучкой — логофету дрома Иоанну Каматиру, одному из ближайших сподвижников императора Мануила I, через которого Каматиры могли получить принадлежавшую василевсу реликвию — драгоценный крест с частицей Древа Животворящего креста, доставшийся затем Роману Мстиславичу и его потомкам, а ныне хранящийся в ризнице Собора Парижской Богоматери³⁰.

²⁶ См.: Runciman S. Geschichte der Kreuzzüge. München, 1978. S. 866—898; Norwich J. J. Byzanz. Der Aufstieg des oströmischen Reiches. Gamburg; Düsseldorf; München, 1993. Bd. III. S. 186—222; Csendes P. Philipp von Schwaben. Ein Staufer im Kampf um die Macht. Darmstadt, 2003. S. 28, 121, 134.

²⁷ О биографии и творчестве Никиты Хониата см.: Успенский Ф. И. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874; Dietsen J. L. van. Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. Berlin, 1971; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. I. S. 429—441; Каждан А. П. Никита Хониат и его время. СПб., 2005; Бибииков М. В. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. С. 368—374.

²⁸ Nicetae Choniatae Historia. P. 523.

²⁹ Grala H. Drugie małżeństwo Romana Mścislawicza.

³⁰ Dąbrowska E. Jeszcze o relikwii Krzyża Świętego i relikwiarzu koronacyjnym królów polskich // Kwartalnik Historyczny. Warszawa, 1993. R. 100. Nr. 2. S. 7.

Эту гипотезу, однако, нельзя считать доказанной. Среди родственниц императрицы Евфросинии, дочери пансеваста севаста и епарха Константинополя Андроника Дуки Каматира, не удается отыскать ни одной, хоть как-то подходившей на роль жены галицко-волинского князя или вообще как-либо связанной с Русью³¹. Заслуга И. Грали состоит в том, что он, несомненно, усилил версию византийского происхождения второй жены Романа Мстиславича новыми аргументами. Но его предположение насчет Марии Каматиры едва ли можно признать убедительным³².

Одним из недостатков такого предположения, на наш взгляд, является невозможность объяснить причину тесных контактов и поддержки, которую оказывал вдове Романа и ее сыновьям венгерский король Андрей II.

В конце XII — первой трети XIII в. правители Венгрии постоянно претендовали на власть в Галиче, считая себя законными королями Галиции, чьи права были санкционированы Римом: сам король Андрей, а также его сыновья Коломан и Андрей-младший непосредственно правили в Галиче, занимая там княжеский стол³³.

Тем не менее во время правления Романа Мстиславича, а также в течение нескольких лет после его смерти венгерский король отказывался от каких-либо претензий на Галич, оказывая всемерную поддержку Даниилу и его матери. М. С. Грушевский полагал, что в этот период Андрей признавал Даниила законным правителем Галичины³⁴. Не исключено, впрочем, что у венгерского короля могли быть и какие-то далеко идущие планы в отношении малолетнего Романовича по превращению его в своего вассала³⁵.

Так или иначе, Андрей II начал оказывать поддержку вдове Романа (в том числе и военную) сразу после гибели ее мужа. Именно к венгерскому королю первым делом обратилась вдовствующая галицкая княгиня, встретившись с ним в г. Санок: «по смрти Романовѣ снималса король со патровью своею во Саноцѣ. Приаълъ бо бѣ Данила, како милога сѣна своего, вставиль бо бѣ оу него (в Галиче. — А. М.) засадоу — Мокъа великаго слѣповокого, и Корочюна, Вълпта, и сѣна его Витомира, и Благиню, иныи Оугры многи»³⁶.

Только благодаря этой венгерской «засаде» удалось тогда отбить поход на Галич киевского князя Рюрика Ростиславича, а также заставить галичан принять власть «великой княгини Романовой», не пользовавшейся у них популярностью: «и за то не смѣша Галичанѣ ничто же створити, бѣ бо инѣхъ много Оугоръ»³⁷.

Когда же Даниил и его мать все-таки вынуждены были покинуть Галич, Андрей II не только приютил княжича при своем дворе³⁸, но даже собирался сделать его своим наследником, женив на собственной дочери³⁹. Когда же этот брак не состоялся, король предоставил Даниилу большое войско для похода на Галич и отвоевания власти у главных тогда претендентов на наследие галицких князей — братьев Игоревичей. Только с помощью венгров юному Даниилу удалось выбить черниговских князей из Звенигорода и Галича и разбить их союзников — половцев⁴⁰. Свой рассказ об этих событиях летописец резюмирует характерной фразой: «Король же Андрѣи

³¹ О родственниках императрицы Евфросинии со стороны отца см.: *Polemis D. I. The Doukai. A contribution to byzantine prosopography*. London, 1968.

³² Возражения см.: *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich*. S. 38–40; *Войтович Л. Мати короля Данила (зауваження на полях монографії Д. Домбровського)*. С. 53–56.

³³ Подробнее см.: *Майоров А. В. Галицко-Волинская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община*. СПб., 2001.

³⁴ *Грушевський М. С. Історія України — Руси*. Київ, 1993. Т. III. С. 26.

³⁵ См.: *Волощук М. «Угорське дитинство» князя Данила Романовича (1206–1210 р.) // На вістар історії України. Ювілейний збірник на пошану В. В. Грабовецького*. Івано-Франківськ, 2008.

³⁶ ПСРА. Т. II. Стб. 717.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Стб. 719.

³⁹ Там же. Стб. 723.

⁴⁰ Там же. Стб. 724–727.

не забы любви своєѣ первыѣ, иже имѣаше ко братоу си великому князю Романови, но посла воѣ своѣѣ и посади сна своего [Даниила] в Галичи»⁴¹.

Упоминание летописца о «любви» между Андреем II и Романом Мстиславичем также может свидетельствовать (хотя и не впрямую) о каких-то родственных отношениях между ними. По-видимому, не случайно во все время княжения Романа в Галиче венгерские короли Имре I и Андрей II не оспаривали его княжеских прав⁴².

Примечательно, что, когда галичане, недовольные вдовой Романа, правившей от лица малолетнего Даниила, вынудили ее покинуть Галич, венгерский король вступился за свою «ятровь» и силой оружия заставил галичан вновь принять ее⁴³. После очередного изгнания Даниила и его матери из Галича Андрей вновь собрал войска и выступил им на помощь, и только мятеж венгерских баронов, закончившийся убийством королевы Гертруды, заставил Андрея прекратить поход⁴⁴.

Как уже отмечалось, при подобных обстоятельствах поддержка венгерского короля, оказываемая «великой княгине Романовой» и ее малолетнему сыну, могла быть обусловлена их близким родством, причем не со стороны погибшего мужа княгини, а по линии ее родителей⁴⁵. Этой поддержке, вероятно, способствовало и высокое происхождение второй жены Романа, что заставляло считаться с ней правителей Венгрии и Польши. Отсюда, по-видимому, и ее собственные властные амбиции, которые так не нравились галичанам, ставившим ей в укор, что она «хотяща бо княжити сама»⁴⁶.

Могла ли быть «великая княгиня Романова» дочерью Исаака II от брака с Маргаритой Венгерской?

Ни Алексей III, ни его жена Евфросиния не имели прямых родственных связей с венгерской королевской семьей, ничего не известно и о близком родстве с Арпадами кого-либо из представителей рода Каматиров, живших на рубеже XII—XIII в. Зато такие связи были у предшественника Алексея III Исаака II, лишённого им власти и ослепленного. Вторым браком Исаак был женат на дочери венгерского короля Белы III Маргарите, принявшей по прибытии в Византию имя Марии⁴⁷. Императрица Мария-Маргарита, таким образом, приходилась родной сестрой королю Андрею II, а ее дети — племянниками.

Основываясь на подобных расчетах, Л. Е. Махновец и Л. В. Войтович выдвинули версию о том, что вторая жена Романа Мстиславича была дочерью Исаака II от брака с Марией-Маргаритой⁴⁸. Свое предположение Л. В. Войтович подкрепляет следующими вычислениями: «Мария-Маргарита была выдана за Исаака II осенью 1185 г., Анна (так исследователь именует вторую жену Романа. — А. М.) могла родиться уже в 1187 г., в 1200 г. быть выданной за Романа, а в 1201 г. родить сына Даниила»⁴⁹.

Это предположение считает вероятным и Д. Домбровский. По его подсчетам, старший ребенок Романа и его второй жены мог появиться на свет между 1199 и 1201 г. (историк допускает возможность заключения брака между ними еще в 1199 г.), около 1201 г. родился Даниил, а примерно двумя годами позднее — Василько. В любом случае, выходя замуж, Мария

⁴¹ Там же. Стб. 726–727.

⁴² Этот факт признает и Граля, объясняя его влиянием на внешнюю политику Венгрии Византии, а также общей заинтересованностью обоих государств в ослаблении придунайских половцев, чему способствовали успешные военные действия Романа (*Grala H. Drugie małżeństwo Romana Mściślawicza*. S. 122–123).

⁴³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 727–728.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Войтович Л. Мати короля Данила (зауваження на полях монографії Д. Домбровського). С. 47.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 727.

⁴⁷ Βάρζος К. Η γενεαλογία των Κομνηνών. Т. 2. Σ. 814–815.

⁴⁸ Махновець Л. Є. [Коментар] // Літопис Руський. За Іпатським списком переказав Л. Махновець. Київ, 1989. С. 369. Прим. 2 (к 6710 г.); Войтович Л. Мати короля Данила (зауваження на полях монографії Д. Домбровського). С. 51.

⁴⁹ Войтович Л. Мати короля Данила (зауваження на полях монографії Д. Домбровського). С. 51.

(Домбровский не без колебаний склоняется в пользу такого имени второй жены Романа) ко времени своего замужества уже должна была достигнуть детородного возраста, который, по мнению исследователя, составлял в то время около 14 лет⁵⁰.

Если так, то вторая жена Романа должна была появиться на свет не позднее 1185 г., а ее предполагаемая мать — императрица Мария-Маргарита — не позднее 1171 г. Однако приведенные расчеты не соответствуют данным дошедших до нас источников.

По сведениям Никиты Хониата, овдовевший Исаак женился на венгерской принцессе, когда той еще не исполнилось и десяти лет: «Тогда царь пожелал сосватать себе жену из чужеземного рода, потому что та, на которой он прежде был женат, скончалась. Итак, условившись чрез послов с венгерским королем Белою, он взял за себя дочь его, еще не вполне достигшую десятилетнего возраста»⁵¹.

Этот брак был заключен вскоре после того, как Бела III, овдовевший после смерти Агнии-Анны Антиохийской, сводной сестры супруги византийского императора Мануила I Марии, матери Марии-Маргариты, обратился в Константинополь с просьбой выдать за него Феодору, вдову видного полководца империи, севаста Андроника Лапарда, и племянницу Мануила I. Исаак II не пожелал посылать за границу родственницу предыдущего императора и поэтому отклонил предложение Бела III. В качестве компенсации он сам попросил руки юной дочери венгерского короля⁵².

Датировать заключение этого брака можно только по косвенным данным. В связи с устраиваемой в Константинополе пышной свадьбой василевса был введен чрезвычайный налог, основная тяжесть которого легла на балканские провинции империи. Это стало поводом для начала освободительного восстания в Болгарии, вспыхнувшего в 1186 г. и приведшего к возникновению Второго Болгарского царства. Взимание налога (которое должно было предшествовать свадьбе) производилось поздней осенью и в начале зимы 1185 г. Стало быть, заключение брака и свадебная церемония должны были состояться либо в самом конце 1185 г., либо, что более вероятно, в начале 1186 г.⁵³

Следовательно, императрица Мария-Маргарита должна была появиться на свет около 1177 или, в крайнем случае, 1176 г. Достичь детородного возраста она могла не ранее 1190 г.⁵⁴

Эти расчеты соответствуют имеющимся данным о потомстве Исаака II и Марии-Маргариты. Известно о двух их сыновьях, родившихся в середине 90-х годов XII в.:

1. Иоанне (1193—1259), который, достигнув совершеннолетия, уехал в Венгрию, где в 1227—1242 г. был правителем Срема и Бача в качестве вассала короля Бела IV;

2. Мануиле (после 1195 — 1212), которого усыновил и сделал своим наследником Бонифаций Монферратский, женившийся на Марии-Маргарите в мае 1204 г., однако впоследствии сын Бонифация Гийом отправил своего сводного брата в заточение в замок Монферрат, где тот некоторое время находился вместе с экс-императором Алексеем III⁵⁵.

⁵⁰ *Dąbrowski D.* Genealogia Mściślawowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). S. 265. Считают, что средневековая женщина достигала детородного возраста в четырнадцать лет, и другие современные специалисты по исторической генеалогии (см.: *Jasiński K.* Rodowód Piastów śląskich. Wrocław, 1973. Т. I. S. 25).

⁵¹ *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II. С. 18.

⁵² *Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Т. 2. Σ. 815.

⁵³ *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII в. М., 1960. С. 441; *Dietsch J. L. van.* Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. S. 88—90; *Malingoudis Ph.* Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des Zweiten Bulgarischen Staates // *Byzantina.* Salonika, 1980. Т. X. S. 113 f.; *Prinzling G.* Demetrios-Kirche und Aseniden-Aufstand. Zur chronologischen Präzisierung der Frühphase des Aseniden-Aufstandes // *Зборник радова. Византолошки институт Српске академике наука.* Београд, 1999—2000. Књ. 38. S. 264—265.

⁵⁴ Предполагаемая дочь Марии-Маргариты и Исаака II, таким образом, должна была выйти замуж за Романа Мстиславича в возрасте 9 или 10 лет (в зависимости от того, какую из предлагаемых в литературе дат ее вступления в брак считать более правильной — 1199 или 1200 г.). Следовательно, первый ребенок мог родиться от этого брака не ранее 1203—1204 г. Впрочем, летописная хронология рождения сыновей Романа весьма условна, что создает почву для всевозможных догадок и предположений (см., например: *Толочко А. П.* Известен ли год рождения Даниила Романовича Галицкого? // *Средневековая Русь.* М., 2007. Т. 7).

⁵⁵ *Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Т. 2. Σ. 797—798, 815—816.

О детях, рожденных Марией-Мargarитой в браке с Исааком II ранее 1193 г., нет никаких сведений. Нет также сведений, что у этой четы могло быть потомство женского пола. Это обстоятельство также исключает возможность женитьбы Романа Мстиславича на дочери Исаака II от второго брака. Ведь если даже предположить, что Никита Хониат и другие византийские историки могли в силу каких-то причин обойти вниманием факт выдачи византийской царевны замуж за русского князя⁵⁶, то трудно допустить, чтобы ни в одном историческом документе империи не был отмечен факт рождения детей в царской семье, тем более в период, когда Исаак II находился у власти.

Возможность женитьбы Романа на дочери Исаака II от Маргариты Венгерской выглядит сомнительной и ввиду планов венгерского короля Андрея II, родного брата Маргариты и дяди ее предполагаемой дочери — вдовы Романа, выдать собственную дочь Марию за сына Романа Даниила, о чем сообщает Галицко-Волынская летопись⁵⁷.

Сведения Никиты Хониата о старшей дочери Исаака II и ее монашеском постриге

Нам представляется, что будущую галицко-волынскую княгиню, супругу Романа Мстиславича и мать его сыновей Даниила и Василька, следует искать среди дочерей Исаака II, рожденных еще до того, как он стал византийским императором.

В свое время такую попытку сделал Н. А. Баумгартен, пришедший к выводу, что наиболее вероятной византийской женой Романа могла быть одна из неустановленных дочерей Исаака⁵⁸. Однако в дальнейшем историк отказался от этой идеи, видимо, не найдя среди известных ему византийских царевен ни одной подходящей кандидатуры. В итоге Баумгартен ограничился весьма неопределенным обозначением второй жены Романа (именуемой им Анной) как некой родственницы Исаака II⁵⁹. Впрочем, в этом решении историк также не был уверен: в другом месте своего главного труда по генеалогии Рюриковичей он атрибутировал Анну как родственницу Алексея III⁶⁰.

Вслед за Н. А. Баумгартеном большинство исследователей, принявших его аргументы насчет византийского происхождения «великой княгини Романовой», также уклончиво отвечали на вопрос о ее возможном происхождении, предлагая искать ее среди родственниц императора Исаака II вообще⁶¹ или ограничиваясь еще более общим указанием на ее возможные византийские корни⁶². Подводя неутешительный итог этим поискам, А. П. Каждан с полным правом мог считать, что происхождение второй жены Романа по-прежнему остается неясным. Неудовлетворенный аргументами Баумгартена, Каждан вообще усомнился в греческом происхождении Анны и ее родстве с династией Ангелов⁶³.

Вопрос этот, безусловно, требует более основательного изучения. Главная трудность состоит в том, что о первой супруге Исаака, с которой он жил еще до своего воцарения, известно очень мало. Неясными, в частности, остаются ее имя и происхождение. Не вполне ясна также судьба некоторых из рожденных ею детей. Это объясняется, по-видимому, тем, что первая жена Исаака умерла, вероятно, еще до того, как он стал императором. До воцарения Исаака

⁵⁶ Так считают, в частности, И. Граля и Л. В. Войтович (*Grala H. Drugie małżeństwo Romana Mściślawicza*. S. 126; *Войтович Л. Мати короля Данила* (зауваження на полях монографії Д. Домбровського). С. 55–56).

⁵⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 723.

⁵⁸ *Баумгартен Н.* Вторая ветвь князей Галицких. Потомство Романа Мстиславича // *Летопись Историко-родословного общества в Москве*. М., 1909. Вып. 1 (17). С. 9–11.

⁵⁹ *Baumgarten N. de. Généalogies et mariages occidentaux des Ruricides Russes*. P. 23. Tabl. V. Nr. 47.

⁶⁰ *Ibid.* P. 47. Tabl. XI. Nr. 1.

⁶¹ *Dworzaczek W.* Genealogia. Tablice. Warszawa, 1959. Tabl. 27; *Schwennicke D.* Europäische Stammtafeln. Stammtafeln zur Geschichte europäischen Staaten. Marburg, 1984. Bd. II. Tabl. 136.

⁶² *Świeżawski A.* Ziemia Belska. Zarys dziejów politycznych do roku 1462. Częstochowa, 1990. S. 31; *Font M.* Oroszország, Ukrajna, Rusz. Pécs, 1995. O. 73.

⁶³ *Kazhdan A.* Rus' — Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // *Harvard Ukrainian Studies*. 1988–1989. T. 12–13. P. 424.

появились и дети, рожденные от первого брака, и поэтому их рождение не привлекало внимания официальных историографов. А поскольку никто из трех императоров династии Ангелов не умер на троне, то, соответственно, не было никакой официальной церемонии похорон и не составлялось подобающих случаю траурных речей и некрологов, где могли быть упомянуты члены семьи и другие родственники усопших⁶⁴.

Основные сведения о потомстве Исаака от первой жены находим опять-таки у Никиты Хониата: «Царь Исаак имел от первого брака трех детей — двух дочерей и одного сына. Старшую дочь он постриг в монахини... а другую отдал в замужество за сына Танкреда, короля сицилийского... Сына же, Алексея, он готовил в наследники престола...»⁶⁵

Идентификация двух из троих названных в этом отрывке детей Исаака не вызывает затруднений. Это — его сын Алексей, будущий император Алексей IV (1203—1204 г.), а также дочь Ирина, бывшая поочередно супругой сицилийского короля Рожера III (1190—1194 г.) и немецкого короля Филиппа IV Швабского (1198—1208 г.)⁶⁶.

Менее всего известно о старшей дочери Исаака от первого брака, отправленной отцом в монастырь. Она должна была появиться на свет, по-видимому, вскоре после того, как Исаак вступил в свой первый брак, т. е. вскоре после 1175 г. В монастырь она была определена, вероятно, еще в детстве. В 1182 или 1183 г. Исаак овдовел. Возможно, помещение его старшей дочери в монастырь было как-то связано с новым браком василевса, заключенным в конце 1185 или начале 1186 г.

Пострижение в монахини незамужней дочери императора — явление в истории Византии чрезвычайно редкое. Как отмечает Л. Гарланд, брак и светская жизнь были нормой для византийских царевен и девушек из высших классов вообще. Через замужество своих дочерей василевсы осуществляли политику династических союзов империи, особенно широко развившуюся в правление Комнинов и Ангелов. Известно всего несколько случаев, когда византийские принцессы становились монахинями до брака: по тем или иным причинам так произошло с дочерьми императоров Константина VIII, Константина X и упомянутой старшей дочерью Исаака II⁶⁷.

Никита Хониат уточняет, что для своей старшей дочери Исаак выбрал не обычный и уже действующий женский монастырь, а создал какое-то новое и особенное монастырское учреждение. Монастырь был устроен в некоей частной резиденции, именуемой Иоанницким домом, или домом Иоанницы (καὶ τὸν τοῦ Ἰωαννίτζη λεγόμενον οἶκον)⁶⁸, специально перестроенном для принцессы, причем перестройка и отделка этого дома стоили императору значительных средств. По словам Хониата, Исаак «с большими издержками превратив Иоанницкий дом в женский монастырь (как предполагала сделать это еще царица Ксения по смерти своего супруга, царя Мануила Комнина), водворил ее (свою старшую дочь. — А. М.) в нем, посвятив Богу, как чистую агницу...»⁶⁹.

Иоанницкий дом, судя по всему, недолго оставался монастырем. Ни о самом этом доме, ни об устроенном в нем монастыре вообще ничего не известно, что едва ли было бы возможно, если бы речь шла о настоящем монастыре. В византийских источниках Иоанницкий дом упоминается только один раз — в связи с помещением в нем юной дочери Исаака. Можно лишь предполагать, что этот дом мог находиться где-то в Константинополе или поблизости от столицы⁷⁰.

⁶⁴ Hiestand R. Die erste Ehe Isaaks II. Angelos und seine Kinder // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien, 1997. Bd. 57. S. 201.

⁶⁵ Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II. С. 85.

⁶⁶ Βάρζος Κ. Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Т. 2. Σ. 814.

⁶⁷ Garland L. The life and ideology of byzantine women: A further note on conventions of behaviour and social reality as reflected in eleventh and twelfth century historical sources // Byzantion. Revue internationale des études Byzantines. Bruxelles, 1988. Т. 58. P. 366. См. также: Garland L. Byzantine empresses: women and power in Byzantium. 527—1204. London; New York, 1999.

⁶⁸ Оригинальный текст этого сообщения см.: Nicetae Choniatae Historia. P. 419.

⁶⁹ Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II. С. 85.

⁷⁰ См.: Janin R. La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. Première partie: Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique. Т. III: Les églises et les monastères. Paris, 1969. P. 263.

Такой выбор обители для дочери императора имеет некоторые параллели в истории Византии, помогающие, как кажется, понять его смысл. По данным исследователей, в житиях святых IX—X в. встречается несколько упоминаний о женских монастырях, не отмеченных более ни в каких документах⁷¹. Такие обители могли устраиваться в частных домах и предназначаться для отдельных семей или частных лиц. Например, известен случай во времена правления Льва V Армянина (813—820 г.), когда одна богатая женщина превратила свой константинопольский дом в монастырскую обитель и жила там со своими тремя дочерьми и служанками⁷².

Целью таких учреждений было предоставить подходящее убежище для некоторых представителей аристократических фамилий на время каких-то постигших их бедствий или возможных угроз. Поэтому значение подобных обителей возрастало в периоды смут и неурядиц, переживаемых империей. В них, например, могли укрыться женщины-аристократки после поражения своих родственников-мужчин. По мнению Дж. Херрин, специально изучавшей феномен подобных монастырей в истории Византии, нельзя с уверенностью сказать, функционировали ли они как религиозные институты, или только как временные убежища для своих хозяев⁷³.

Возвращаясь к Иоанницкому дому, заметим, что некоторый свет на его дальнейшую историю, возможно, проливает весьма характерное название, которое он получил. Иоанницей, или Иваницей (Ioannitsa, Ioannica, Ioannitza, Ivanitsa, Ivanica), — уменьшит. от Иоанн — византийские и западноевропейские источники называют болгарского царя Калояна (1197—1207 г.), ставшего одним из главных врагов империи⁷⁴.

Калоян — младший из трех братьев Асений, родившийся около 1170 г.⁷⁵ По условиям мирного договора с Византией 1188 г. своим старшим братом болгарским царем Петром IV он был отдан в Константинополь в качестве заложника. В византийской столице Калоян провел около двух лет, и, вероятно, в 1190 г. ему удалось бежать⁷⁶. Об этих фактах биографии будущего болгарского царя также сообщает Хониат, говоря, что он «довольно долгое время находился заложником у римлян»⁷⁷.

Правда, Хониат, представляющий в своей «Истории» наиболее полные и точные сведения о взаимоотношениях византийских императоров с Калояном, последовательно употребляет его полное официальное имя Иоанн (Ἰωάννης)⁷⁸. Тем не менее уничижительная форма имени болгарского царя — Иоанница (Ἰωαννίτζα) — также была в арсенале Хониата: таким именем византийский царедворец называет Калояна в одной из своих речей-панегириков⁷⁹. По данным Я.-Л. ван Дитена, эта речь была произнесена Хониатом в присутствии Алексея III в марте—апреле 1202 г. по случаю тройной победы над Иоанном Камидей, Добромиром (Хрисом) и Иоанном Спиридониакон, а также заключения мирного договора с Иоанницей⁸⁰.

О местонахождении Калояна в Константинополе, когда он пребывал здесь в качестве заложника, неизвестно. Но если таким местом мог быть упомянутый все тем же Хониатом

⁷¹ *Herrin J.* Changing Functions of Monasteries for Women during Byzantine Iconoclasm // *Byzantine Women: Varieties of Experience 800–1200* / Ed. by L. Garland. Aldershot; Burlington, 2006. P. 3–4.

⁷² *Huxley G.* Women in Byzantine Iconoclasm // *Les femmes et le monachisme byzantin. Women and Byzantine Monasticism. Proceedings of the Athens Symposium, 28–29 March 1988.* Athens, 1988. P. 12.

⁷³ *Herrin J.* Changing Functions of Monasteries for Women during Byzantine Iconoclasm. P. 11.

⁷⁴ *Brand Ch. M.* Byzantium confronts the West. 1180–1204. Cambridge, 1968. P. 127, 130, 133; *Andrea A. J.* Contemporary sources for the fourth crusade. Leiden; Boston; Köln, 2000. P. 160, 255.

⁷⁵ См.: *Божилев И.* Фамилията на Асеневици (1186–1460). Генеалогия и просопография. София, 1985. С. 43 и след.; *Андреев И.* Българските ханове и царе VII–XIV век: историко-хронологичен справочник. София, 1988. С. 112 и след.

⁷⁶ *Guilland R.* Byzance et les Balkans, sous le règne d'Isaac II Ange (1185–1195) // *Actes du XIIe Congrès International d'études byzantines.* Beograd, 1964. Т. II. P. 131; *Brand Ch. M.* Byzantium confronts the West. P. 92, 338; *Dieten J. L. van.* Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. S. 140.

⁷⁷ *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II. С. 58, 165–166.

⁷⁸ *Dieten J. L. van.* Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. S. 131 f.

⁷⁹ *Nicetae Choniatae Orationes et Epistulae* / Rec. I. A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1972. P. 229.

⁸⁰ *Dieten J. L. van.* Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. S. 59, 131–133.

Иоанницкий дом, то разумеется, что к моменту поселения в нем Калояна он едва ли мог быть женским монастырем или резиденцией дочери Исаака.

У нас есть и другие основания полагать, что пребывание в монастыре старшей дочери Исаака II не было пожизненным. В синодике кафедрального собора г. Шпайера, который во второй половине XI — начале XIII в. несколько раз становился усыпальницей для германских королей и где нашли свое упокоение Филипп Швабский и его жена Ирина (младшая дочь Исаака II от первого брака), среди греческих родственников последней значатся ее отец, мать, сестра и брат⁸¹. Упомянутой в синодике сестрой королевы Ирины (фигурирующей здесь под именем Марии) могла быть только ее родная сестра — старшая дочь Исаака, в детском возрасте отправленная им в монастырь⁸². Однако, вопреки ожиданиям, в церковном синодике она поминается без указания монашеского чина, т. е. как светское лицо⁸³.

Монашеский постриг в политической практике Византии и сведения о происхождении первой жены Исаака II

В истории Византии известно немало случаев, когда представители высшей аристократии, и в том числе члены императорской фамилии, в силу различных причин, главным образом политических, принимали монашество, а потом слагали его, возвращаясь к светской жизни, и даже вступали в брак. Особенно часто подобные послабления допускались в отношении женщин.

К примеру, первое пострижение императрицы Зои Карбонопсины, четвертой жены Льва VI Мудрого (886—912 г.) и матери Константина VII Багрянородного (913—920 г. и 945—959 г.), состоявшееся в 914 г., впоследствии было отменено на том основании, что Зоя перед постригом (произошедшим во время поста) употребляла в пищу мясо, получив на это особое разрешение константинопольского патриарха, давшего ей послабление по причине болезни, — на несколько лет императрица вернулась к своей обычной жизни⁸⁴.

Нечто подобное происходило с дочерьми императора Константина VIII (1025—1028 г.) Зоей и Феодорой. Преемник Константина Роман III Аргир (1028—1034 г.), опасаясь заговора и по настоянию Зои, отослал Феодору в монастырь и приказал постричь⁸⁵. Тем не менее в 1042 г. во время восстания против Михаила V Калафата (1041—1042 г.) Феодора была доставлена в Константинополь и коронована⁸⁶. При этом ее сестру Зою Михаил V повелел сослать на Принцевы острова и также постричь⁸⁷. Это не помешало Зое не только возвратиться на престол, но и в третий раз (в возрасте 64 лет) выйти замуж за императора Константина IX Мономаха (1042—1055 г.)⁸⁸.

Подобная практика продолжалась и во второй половине XII в., в том числе в правление Исаака II, когда она, судя по имеющимся данным, приобрела массовый характер. Согласно сообщению Никиты Хониата, константинопольский патриарх «дал разрешение снять черное платье и возвратиться к прежнему образу жизни и прежней одежде тем женщинам высшего сословия, которых Андроник (император Андроник I Комнин. — А. М.) против воли постриг в монашество»⁸⁹.

В этом сообщении речь идет о патриархе Василии II Каматире (1183—1186 г.), который в свое время много способствовал воцарению Исаака II, но затем впал в немилость и был смещен⁹⁰.

⁸¹ *Kalendarium necrologicum canonicorum spirensium recentius* // *Fontes rerum Germanicarum*. Stuttgart, 1868. T. IV. P. 323—325.

⁸² *Hiestand R.* Die erste Ehe Isaaks II. Angelos und seine Kinder. S. 204.

⁸³ Составители синодика едва ли могли проигнорировать факт монашества сестры королевы Ирины-Марии. Во всяком случае, о монашеском чине других лиц, погребенных в Шпайерском соборе, или их родственников, в синодике сделаны специальные упоминания (см.: *Kalendarium necrologicum canonicorum spirensium recentius*. P. 317—327).

⁸⁴ См.: *Garland L.* Byzantine empresses: women and power in Byzantium. 527—1204. P. 119.

⁸⁵ *Ioannis Skylitzae Synopsis Historiarum* / Rec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973. P. 385.

⁸⁶ *Михаил Пселл.* Хронография / Пер., ст., комм. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 63—69.

⁸⁷ Там же. С. 60.

⁸⁸ Там же. С. 73—75. Подробнее см.: *Garland L.* Byzantine empresses: women and power in Byzantium. 527—1204. P. 136—157.

⁸⁹ *Никита Хониат.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II. С. 66—67.

⁹⁰ *Angold M.* Church and society in Byzantium under the Comneni. 1081—1261. Cambridge, 1995. P. 119—121.

В вину владыке было поставлено его упомянутое решение об отмене монашеского пострига для родственников византийских вельмож, пострадавших от репрессий Андроника I. Однако сам Хониат поясняет, что это было использовано как благовидный предлог, прикрывающий грубый произвол императора⁹¹.

В нашем распоряжении также имеются некоторые данные, позволяющие пролить свет на происхождение первой жены Исаака II и, следовательно, детей от его первого брака. Эти данные могут быть полезны для выяснения судьбы старшей из дочерей василевса.

Как уже было сказано, происхождение первой жены Исаака историками обычно определяется как неясное. Но вместе с тем есть основания предполагать, что она могла принадлежать к роду Палеологов и быть дочерью великого этериарха Георгия Палеолога Комнина Дуки. В собрании исторических документов библиотеки иерусалимских патриархов, опубликованном А. И. Попадопуло-Керамевсом, в одном из документов, который предположительно датируется 1191 г., сын Георгия Андроник Палеолог Комнин Дука назван «возлюбленным гамбросом» императора Исаака. Благодаря близости к василевсу Андроник получил чин протопансебастогипертата и достиг вершин могущества⁹².

Термин «гамброс» (γαμβρός) в греческом языке использовался для обозначения родственника по линии жены — шурина или зятя. Как отмечает К. Варзос, Андроник явно не мог быть мужем сестры или дочери Исаака, и, значит, вероятнее всего, он был братом его первой жены, которая, таким образом, должна была происходить из рода Палеологов Комнинов Дук⁹³.

Новое возвышение Палеологов произошло в правление Алексея III. Его любимцем стал еще один сын уже упомянутого великого этериарха Георгия Палеолога Комнина Дуки Алексей. Зимой 1199 г. по настоянию Алексея III он развелся со своей первой женой и женился на дочери императора Ирине. От этого брака родилась дочь Феодора, ставшая матерью первого византийского императора из династии Палеологов Михаила VIII (1259—1282 г.). Из-за отсутствия у Алексея III наследника мужского пола Алексей Палеолог, пожалованный титулом деспота, должен был в будущем стать императором⁹⁴.

Таким образом, в правление Алексея III сложились весьма благоприятные условия для того, чтобы монашеский постриг старшей дочери Исаака II, отправленной в монастырь еще в детстве и не по своей воле, был отменен. Этому могли способствовать как ее родной дядя деспот и наследник престола Алексей Палеолог, так и, возможно, новый константинопольский патриарх Иоанн X Каматир (1198—1206 г.), чей предшественник и близкий родственник Василий II незаслуженно пострадал за подобную деятельность при свергнутом императоре Исааке.

Отмена монашества для молодой девушки, которой к концу XII в. должно было исполниться немногим более двадцати лет, разумеется, открывала перспективу замужества. Политическая заинтересованность Алексея III в укреплении союза с галицко-волынским князем Романом Мстиславичем также должна была повлиять на судьбу молодой византийской принцессы. Ее дальнейшие следы, как нам кажется, нужно искать в Галицко-Волынской Руси.

Башня в Столпье: итоги новейших исследований

В девяти километрах от современного польского города Хелма (древнерусский Холм), у села Столпье, вблизи автострады Люблин — Хелм находится сравнительно хорошо сохранившаяся до нашего времени древняя каменная башня, достигающая в высоту около 20 м. Башня имеет

⁹¹ Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II. С. 66.

⁹² Papadopoulos-Kerameus A. I. *Ανάλεκτα Τερροσολυμντικῆς Σταχυολογίας*. Petroupolei, 1894. Т. II. Р. 362.

⁹³ Βάρζος Κ. Η γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Т. 2. Σ. 814. См. также: Vannier J.-F. *Les premiers Paléologues. Étude généalogique et prosopographique* // Cheynet J. C., Vannier J. *Études prosopographiques*. Paris, 1986. Р. 164 н.; Hiestand R. *Die erste Ehe Isaaks II. Angelos und seine Kinder*. S. 201, 205.

⁹⁴ Laurent V. *La généalogie des premiers Paléologues* // Byzantion. Revue internationale des études Byzantines. Bruxelles, 1933. Т. 8. Р. 126; Vannier J.-F. *Les premiers Paléologues*. Nr. 29. Р. 170—172.

в плане прямоугольную форму снаружи и круглую внутри: ее наружные размеры $5,8 \times 6,3$ м, диаметр внутреннего помещения — около 3 м⁹⁵.

О времени возникновения и функциональном предназначении этого сооружения высказывались различные мнения. Широкое распространение в литературе получила точка зрения П. А. Раппопорта, согласно которой башня в Столпье является военно-оборонительным объектом, возможно, частью несохранившегося замкового комплекса. В таком качестве она была возведена галицко-волинскими князьями во второй половине XIII — первой трети XIV в.⁹⁶

К числу городских укреплений Холма относил башню в Столпье М. Н. Тихомиров⁹⁷. При этом Столпье историк считал отдельным городом, впервые упоминающимся в Галицко-Волинской летописи ранее самого Холма⁹⁸.

Башню в Столпье принято сопоставлять с другими подобными объектами, существовавшими некогда в окрестностях Холма и сохранившимися в виде руин или фундаментов, в частности с сооружениями в селах Белавино и Спас, изучение которых после длительного перерыва возобновлено в последние десятилетия⁹⁹.

Новейшими изысканиями выявлен ряд ранее неизвестных фактов. В частности, в ходе обследования башни в Столпье, проведенного в 1976—1978 г. И. Кутыловской, подтверждено высказывавшееся ранее предположение, что в ее верхнем ярусе была оборудована часовня, внутреннее помещение которой имело восьмигранную форму с несколькими нишами. Восточная ниша — наибольшая по размеру — представляла собой как бы апсиду полукруглой формы с окном в глубине. Изнутри помещение часовни было дополнительно обложено брусковым кирпичем. При раскопках найдены многочисленные фрагменты богатого внутреннего убранства башни, состоявшего из керамической плитки с золотой и красной поливой различной фигурной формы, а также большое количество резных белокаменных архитектурных фрагментов¹⁰⁰.

Новое исследование комплекса построек в Столпье, включающего саму башню, а также примыкающую к ней земляную насыпь и другие инженерные сооружения, проведенное в 2003—2004 г. экспедицией под руководством А. Буко, подтвердило выводы И. Кутыловской и выявило целый ряд новых фактов, свидетельствующих о более масштабном объеме строительных работ, выполненных по инженерной подготовке местности, отводу грунтовых вод и укреплению фундаментов¹⁰¹.

По мнению И. Кутыловской, Столпьевская башня, и в особенности вновь открытая часовня в ее верхнем ярусе, обнаруживает генетическую связь с некоторыми архитектурными памятниками раннего христианства, возведенными на территории Византии и ряда европейских стран¹⁰². Непосредственные аналогии башня в Столпье находит с восьмигранными баптистериями и мартириями, сохранившимися в Сирии, Византии, а также в Италии, Южной Франции и Швейцарии¹⁰³.

⁹⁵ Описание см.: *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. Каталог памятников. СПб., 2000. № IV. 17. С. 135—138.

⁹⁶ *Раппопорт П. А.* 1) Волинские башни // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М., 1952. № 31. С. 215—219; 2) *Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII в.* М.; Л., 1956 (*Материалы и исследования по археологии СССР*. № 52). С. 163—166; 3) *Оборонительные сооружения Западной Волыни XIII—XIV в.* // *Światowit*. Warszawa, 1962. Т. XXIV. С. 621—627; 4) *Военное зодчество западнорусских земель X—XIV в.* Л., 1967 (*Материалы и исследования по археологии СССР*. № 140). С. 104, 204—205.

⁹⁷ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. СПб., 2008. С. 180.

⁹⁸ Там же. С. 51.

⁹⁹ См.: *Gołub S.* Chełm-Bielawin, stan 1 (2). Badania konserwatorskie pozostałości wieży z okresu średniowiecza // *Informator o badaniach archeologicznych w województwie chełmskim w 1992—1993 roku*. Chełm, 1996. Nr. VII; *Александрович В.* Архитектурный ансамбль середины XIII ст. у Спасі-Стовпі в околицях Холма // *Confraternitas*. Ювілейний збірник на пошану Я. Ісаєвича.

¹⁰⁰ *Kutyłowska I.* 1) *Badania archeologiczno-architektoniczne zespołu średniowiecznego w Stolpiu-Nowosiołkach, woj. Chełmskie* // *Archeologiczne listy*. 1981. Nr. 2; 2) *Zabytkowy zespół warowno-kultowy w Stolpiu woj. Chełmskie* // *Zeszyt Biura badań dokumentacji zabytków w Chełmie*. Chełm, 1981. Nr. 2/81.

¹⁰¹ См.: *Zespół wieżowy w Stolpiu. Badania 2003—2004*. Praca zbiorowa pod redakcją A. Buco (в печати).

¹⁰² *Kutyłowska I.* Związki architektury warowni kultowej w Stolpiu z bizantijskim i romańskim kręgiem kulturowym // *Труды V Международного конгресса славянской археологии*. М., 1987. Т. 3. Вып. 2а.

¹⁰³ См.: *Khatchatrian A.* Les baptistères paléochrétiens: plans, notices et bibliographie. Paris, 1962. Nr. 56, 59, 162, 180, 181, 342, 345, 358b.

Согласно А. Буко, Столпьевская башня может представлять собой главный архитектурный элемент пригородного монастыря, специально построенного для какой-то высокопоставленной особы неподалеку от новой столицы Галицко-Волынского княжества в Холме¹⁰⁴.

Идея монастырей-башен была широко распространена в странах бассейна Средиземного моря, особенно в его восточной части, где подобные сооружения имеют долгую традицию, существовавшую со времен раннего христианства и до конца Средневековья¹⁰⁵. Отсюда подобные объекты распространялись на другие территории, в частности в Италию, Болгарию и на Русь¹⁰⁶.

По мнению А. Буко, сооружения, подобные башне в Столпье, непосредственно восходят к частным часовням, строившимся для членов семей высшей аристократии в средневековой Греции¹⁰⁷. Добавим к этому, что по своему внешнему облику и конструктивным особенностям Столпьевская башня весьма напоминает также монастырские сооружения в виде каменных башен, в большом количестве сохранившиеся на территории Северной и отчасти Центральной Греции, изучение которых активно ведется в настоящее время¹⁰⁸.

Исследование остатков облицовочной плитки и другой керамической продукции из Столпя и Холма (Белавинская башня, Высокая Горка), проведенное экспедицией А. Буко, также показали, что эти изделия, изготовленные в одной стилистике и технике, по многим частным признакам относятся к русско-византийской культурной традиции XII–XIII в. То же самое можно сказать и о найденных образцах керамической посуды, которые по ряду признаков являются непосредственными репликами соответствующих византийских изделий¹⁰⁹. С византийским влиянием связывается и распространение брускового кирпича, который появляется в Польше в первой половине XIII в.¹¹⁰

Важно обратить внимание на некоторые особенности архитектурно-планировочной структуры Столпьевской башни, отмеченные Ю. Дыбой. Исследователь устанавливает, что все ее внешние и внутренние объемы были спланированы и рассчитаны на основе принятых в Византии единиц измерения — так называемых византийских локтя и стопы (фута), составлявших соответственно 48 и 32 см. Общее планирование осуществлялось на основе квадрата 12×12 локтей, к которому в восточном направлении было прибавлено еще 2 локтя, внутренний диаметр часовни-ротонды составлял 10 локтей¹¹¹.

По данному признаку башня и устроенная на ее верхнем ярусе часовня существенно отличаются от других, типологически близких к ним архитектурных памятников Волыни. В частности, чрезвычайно близкая по своему архитектурно-планировочному решению к Столпьевской часовне Васильевская церковь во Владимире-Волынском¹¹² спланирована на основе другой расчетной меры длины — пяди (27 см), составлявшей половину великого локтя (54 см)¹¹³.

¹⁰⁴ *Buko A.* Zagadki pogranicza: zespył wieżowy w Stołpiu // *Archeologia Żywa*. 2005. Nr. 3 (33). S. 48.

¹⁰⁵ *Buko A.* Na pograniczu kultur i ideologii: zespył wieżowy w Stołpiu na ziemi chełmskiej // *Ruthenica*. Київ, 2007. Т. VI. S. 201.

¹⁰⁶ См.: *Диба Ю.* Українські храми-ротонди X — першої половини XIV століть. Львів, 2005.

¹⁰⁷ *Buko A.* Na pograniczu kultur i ideologii: zespył wieżowy w Stołpiu na ziemi chełmskiej. S. 201.

¹⁰⁸ См.: *An essay on Byzantine fortification: northern Greece 4th — 15th c.* Thessaloniki, October 2001 — January 2002. Exhibition catalogue. Ministry of culture (9th Ephorate of Byzantine antiquities of Thessalonike) / Ed. by Ch. Bakirtzis, Ph. Oreopoulos. Athens, 2001.

¹⁰⁹ *Buko A.* Na pograniczu kultur i ideologii: zespył wieżowy w Stołpiu na ziemi chełmskiej. S. 200. См. также: *Dark K.* Byzantine pottery. Gloucestershire, 2001.

¹¹⁰ *Малевская М. В.* Применение брускового кирпича в архитектуре Западной Руси второй половины XIII—XIV в. // *Советская археология*. 1989. № 4. С. 214.

¹¹¹ *Диба Ю.* Українські храми-ротонди X — першої половини XIV століть. С. 54.

¹¹² О типологическом сходстве памятников см.: *Могитич І., Могитич Р.* Центричні храми княжої Волині: нові риси будівельної технології кінця XII століття // *Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції*. Матеріали Міжнародної наукової конференції. Галич, 19—21 серпня 1993 р. Львів, 1993. См. также: *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в. Каталог памятников. № IV.15. С. 128—132.

¹¹³ *Диба Ю.* Українські храми-ротонди X — першої половини XIV століть. С. 53. О применявшихся древнерусскими зодчими расчетных единицах измерения см.: *Рыбаков Б. А.* Архитектурная математика древнерусских зодчих // *Советская археология*. 1957. № 1; *Большакова Л. Н.* Метрический анализ древнерусских храмов XI—XII в. // *Древнерусское искусство*. Художественная культура X — первой половины XIII в. / Отв. ред. А. И. Комеч, О. И. Подобедова. М., 1988.

Анализ свидетельств письменных источников, относящихся к истории Столпя, проведенный Д. Домбровским, показывает, что наиболее вероятным временем строительства башни может быть период между 1220 и 1246–1247 г., а инициатором строительства мог являться князь Даниил Романович, а сам возведенный объект мог быть предназначен для его матери «великой княгини Романовой»¹¹⁴.

По свидетельству Галицко-Волинской летописи, около 1219 г. княгиня приняла монашество¹¹⁵. Еще несколько десятилетий после этого она жила в монастыре, не прекращая, однако, своего участия в политической жизни. Из сообщения летописи известно, что около 1220 г. к «великой княгине Романовой», а также к Даниилу и Васильку направляли своих послов литовские князья с предложением мира¹¹⁶. В 1253 г. княгиня-монахиня вместе с польскими князьями и боярами уговорила проявлявшего колебания Даниила принять королевскую корону от папы Иннокентия IV¹¹⁷.

Итак, результаты архитектурно-археологического изучения Столпяевского комплекса определенно указывают на тесную связь его обитателей с культурными традициями Византии, и в частности с традицией монастырской жизни византийской аристократии. Свидетельства же письменных источников позволяют думать, что наиболее вероятной хозяйкой монастыря могла быть мать Даниила Романовича. Принимая во внимание ее все более очевидное ныне византийское происхождение, А. Буко предположил, что в окружении княгини, наверное, нашлись какие-то люди, которым была близка традиция возведения сооружений, характерных для средневековой монастырской архитектуры Северной Греции¹¹⁸.

Более убедительным нам представляется другое объяснение. За почти двадцать лет жизни на Руси, прошедших с момента замужества и до времени принятия монашества, в окружении галицко-волинской княгини едва ли могли оставаться какие-то лица, связанные со специфической практикой монастырской жизни византийской аристократии. Во всяком случае, о таких людях нам ничего не известно. Не известно, были ли вообще в ее окружении какие-то греки или выходцы из Византии. Подобные пристрастия должна была проявить сама «великая княгиня Романова», выбрав для себя обитель по собственному вкусу. И этот ее выбор свидетельствует, что у княгини мог быть личный опыт пребывания в традиционном греческом монастыре еще в период ее жизни на родине.

Сведения синодика Шпайерского собора о греческих родственниках германской королевы Марии и ее сестре Евфросинии

В синодике Шпайерского собора — древней усыпальнице германских королей, где похоронены Филипп Швабский и его жена Ирина, — неоднократно упомянуты греческие родственники последней. Сама королева Ирина под именем Марии, которое она получила в Германии, упомянута здесь под 27 августа. Указание на то, что Мария являлась женой короля Филиппа и при этом происходила из Греции, устраняет сомнения в ее идентификации: «Авг[уста] 27. VI кал[енды] сент[ября]. Умерла королева Мария, супруга короля Филиппа, урожденная гречанка»¹¹⁹.

Королева Ирина-Мария действительно скончалась 27 августа 1208 г. от преждевременных родов, всего на два месяца пережив своего супруга Филиппа, погибшего 21 июня в результате

¹¹⁴ Dąbrowski D. Źródła pisane do dziejów zespołu wieżowego w stolpiu // Zespół wieżowy w Stolpiu. Выражаю благодарность Д. Домбровскому за возможность познакомиться с его работой до ее опубликования.

¹¹⁵ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 733–734. Принятие монашества галицкой княгиней обычно датируют 1219 или началом 1220 г. (Грушевский М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1901. Т. ХLI. С. 16, 63; Махновець Л. Є. [Коментар] // Літопис Руський. За Іпатським списком переклав Л. Махновець. С. 377).

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 735. О датировке этого посольства см.: Gudavičius E. Mindaugas. Vilnius, 1998. S. 118, 137 (1219 г.).

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 827.

¹¹⁸ Буко А. Na pograniczu kultur i ideologii: zespół wieżowy w Stolpiu na ziemi chełmskiej. S. 202.

¹¹⁹ «Aug. 27. VI. kal. sept. Maria regina, Philippi regis contextualis, obiit, nata de Grecia» (Kalendarium necrologicum canonicorum spirensium recentius // Fontes rerum Germanicarum / Hrsg. von J. F. Boehmer. Stuttgart, 1868. T. IV. P. 323).

заговора¹²⁰. Первоначально она была погребена в Лорше (близ Дармштадта). Только через несколько лет состоялось перезахоронение останков Ирины в кафедральном соборе Шпайера. Сюда же в 1214 г. был препровожден гроб с останками Филиппа, ранее погребенного в Бамберге, и помещен на заранее подготовленном для него и его супруги месте¹²¹.

Сразу после упоминания о королеве Марии в той же записи Шпайерского синодика, помещенной под 27 августа, следует пространный перечень пожертвованных ей собору ценностей. Затем помещаются упоминания о ее родителях, а также брате и сестре (в дальнейшем еще раз упомянутых отдельно и под другими датами): «...тогда она (королева Мария. — А. М.) установила, чтобы [на] октаву Мартина отмечалась годовщина отца ее и матери ее, а именно отцом ее был Исаак и матерью Ирина, а годовщина брата и сестры ее отмечалась на третий день после празднества Михаила, братом же ее был Мануил, а сестрой Евфросиния»¹²².

Из приведенного сообщения мы узнаем имя сестры Ирины-Марии — Евфросиния. И поскольку у немецкой королевы была только одна сестра — старшая дочь Исаака II от первого брака, — это имя могло принадлежать только ей.

Имя старшей дочери Исаака II, по каким-то причинам не названное Никитой Хониатом (хотя имя его второй дочери Ирины историк приводит¹²³), не встречается также и в других византийских источниках. Видимо, поэтому в большинстве современных исследований и справочников по истории Византии старшая дочь Исаака также остается безымянной¹²⁴. Данные Шпайерского синодика восполняют этот пробел.

Э. Винкельманн, одним из первых среди немецких историков обративший внимание на свидетельства синодика о родственниках королевы Ирины-Марии, отметил, что, вторично ставшая вдовой после убийства Филиппа, она в конце своей жизни лишилась всех своих родственников, а именно матери, отца, сестры и братьев¹²⁵. Подобные утверждения встречаются и в работах некоторых современных авторов¹²⁶.

Эти утверждения основаны, вероятно, на предположении о том, что Ирина-Мария должна была собственноручно вносить имена своих родственников в синодик. А поскольку молиться в церкви об упокоении душ можно было только в отношении усопших, упомянутые в Шпайерском синодике родственники Ирины-Марии (в том числе и сестра Евфросиния) должны были умереть еще при ее жизни.

Однако это не так. Вместе с Евфросинией в синодике Шпайерского собора помещено упоминание о ее брате Мануиле. Согласно этой записи, память о них обоих отмечалась в один и тот же день — «на третий день после празднества Михаила», или 1 октября: «Окт[ябрь] 1. Умерли Мануил, брат королевы Марии, и сестра ее же Евфросиния, годовщину которых она (королева Мария. — А. М.) установила отмечать»¹²⁷. Такое совпадение дат само по себе не может не

¹²⁰ Подробнее см.: *Bihrer A. König Philipp von Schwaben — Bamberg, 21. Juni 1208 // Politische Morde. Vom Altertum bis zur Gegenwart / Hrsg. von M. Sommer. Darmstadt, 2005. S. 117–126.*

¹²¹ *Ehlers C. Metropolis Germaniae: Studien zur Bedeutung Speyers für das Königtum (751–1250). Göttingen, 1996. S. 180; Hiestand R. Die erste Ehe Isaaks II. Angelos und seine Kinder. S. 203.*

¹²² «...statuit preterea, ut in octava Martini anniversarium patris eius et matris eius celebretur, patre scilicet Ysaac et matre Herina, fratris vero eius et sororis eius tertia die post festum Michaelis celebretur, Manuel fratre et Effrosina» (*Kalendarium necrologicum canonicorum spirensium recentius. P. 323*).

¹²³ *Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. II. С. 180.*

¹²⁴ *The Byzantine Empire / Ed. by J. M. Hussey. Cambridge, 1967 (Cambridge medieval history. T. 4). P. 795; Angold M. The Byzantine Empire. A Political History. 1025–1204. London, 1984. P. 267–283; Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. P. Kazhdan. New York; Oxford, 1991. Vol. I. P. 65; Vol. II. P. 1012.*

¹²⁵ *Winkelman E. Philipp von Schwaben und Otto IV von Braunschweig. Leipzig, 1873. Bd. I. S. 474.*

¹²⁶ *Engels O. Die keiserliche Grablege im Speyer Dom und die Staufer // Papstgeschichte und Landesgeschichte. Festschrift für H. Jakobs. Köln, 1995. S. 249 f.*

¹²⁷ «Oct. 1. Manuel frater Mariae reginae et Effrosina soror eiusdem obierunt, quorum anniversarium ipsa constituit celebrari» (*Kalendarium necrologicum canonicorum spirensium recentius. P. 324*).

вызвать сомнения в их достоверности. А кроме того, известно, что сводный брат Ирины-Марии Мануил (сын Исаака II от второго брака с Маргаритой Венгерской) к моменту кончины своей сестры еще был жив — он умер только в 1212 г.¹²⁸ Следовательно, возможно два объяснения: либо упоминание о нем с указанием даты смерти должно было попасть в синодик спустя несколько лет после смерти Ирины-Марии, либо это упоминание внесла сама королева, не имея о судьбе брата никаких сведений и лишь предполагая его кончину.

То же самое следует сказать и в отношении упоминания о смерти Евфросинии. Характер установления даты памяти брата и сестры Ирины-Марии определенно указывает на то, что эта дата не имеет отношения к точным датам смерти их обоих. Установление даты памяти двух разных людей в один день, приуроченный к церковному празднику Михаила Архангела¹²⁹, может свидетельствовать о том, что составитель синодика не имел точных сведений ни о смерти Мануила, ни о смерти Евфросинии.

Приурочивание памяти брата и сестры королевы к празднику Михаила Архангела, очевидно, связано с широко распространенными в Западной церкви в Средние века представлениями об этом святом как о покровителе и защитнике душ всех умерших, помогающем душам праведников попасть в рай. Евангелие от Никодима (IV в.), Откровение Павла (конец IV в.) и другие христианские апокрифы приписывают Михаилу совершение ритуального омовения душ покаявшихся умерших перед тем, как они входят в Небесный Иерусалим, и даже возвращение из ада душ праведников. Тема архангела Михаила, взвешивающего на Страшном суде души грешников, стала традиционным мотивом средневековой иконографии Страшного суда¹³⁰.

Выбор третьего дня после праздника Михаила как дня памяти брата и сестры королевы обусловлен тем, что в дни самих церковных празднеств (за единичными исключениями) панихиды не совершаются, в такие дни в храме вообще не допускаются какие-либо гласные заупокойные моления даже в виде частных треб¹³¹. Поэтому поминовение усопших в церкви могло производиться только после завершения всех праздничных служб.

В Средние века Михаил Архангел пользовался особым почитанием в Германии. Этот персонаж Нового Завета, победитель Сатаны, считался покровителем немецкого государства (*Schutzpatron Deutschlands*)¹³². Изображение архангела начиная с X в. неизменно присутствует на немецких боевых знаменах. Существует легенда, что победа при Лехфельде (у Аугсбурга) в 955 г. была одержана войсками восточно-франкского короля Оттона I (936—973 г.) благодаря вмешательству Михаила. В этой битве немецкие войска нанесли сокрушительное поражение венграм, что остановило их дальнейшую экспансию в Европе и способствовало коронации Оттона в Риме и созданию Священной империи (962 г.)¹³³. По-видимому, празднества Михаила в немецкой церкви в Средние века могли продолжаться несколько дней.

Так или иначе, 1 октября не может быть связано с реальной датой смерти византийской царевны Евфросинии. Если даже допустить, что день ее смерти действительно приходился на

¹²⁸ Ehlers C. *Metropolis Germaniae: Studien zur Bedeutung Speyers für das Königtum (751—1250)*. S. 180. Anm. 469.

¹²⁹ Праздник установлен в 493 г. римским папой Геласием I (493—496 г.) (*The Catholic encyclopedia: an international work of reference on the constitution, doctrine, and history of the Catholic church* / Ed. by Ch. G. Herbermann. New York, 1913. Vol. 10. P. 275 sq.).

¹³⁰ См.: Rohland J. P. *Der Erzengel Michael. Arzt und Feldherr: zwei Aspekte des vor- und frühbyzantinischen Michaelskultes*. Leiden, 1977; Арьес Ф. Час смерти. Память о жизни // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. См. также: Culto e santuari di san Michele nell'Europa medievale / Culte et sanctuaires de saint Michel dans l'Europe médiévale: *atti del Congresso internazionale di studi*, Bari, Monte Sant'Angelo, 5—8 aprile 2006 / Ed. P. Bouet, G. Otranto, A. Vauchez. Bari, 2007.

¹³¹ См.: Афанасий (Сахаров), архиеп. Поминовение усопших по Уставу Православной церкви. СПб., 1999.

¹³² См.: Schellens Fr. *Erzengel Michael 'Schutzpatron' der Deutschen?* Düsseldorf, 1936; Müller M. «St. Michael — der Deutschen Schutzpatron?» Zur Verehrung des Erzengels in Geschichte und Gegenwart. Langwaden, 2005.

¹³³ Подробнее см.: Wallemich K. von. *Die Ungarnschlacht auf dem Lechfelde*. München, 1907; Boguyay Th. von. *Lechfeld — Ende und Anfang. Geschichtliche Hintergründe, ideeler Inhalt und Folgen der Ungarnzüge*. Ein Beitrag zur Tausendjahrfeier des Sieges am Lechfeld. München, 1955; Bowlus Ch. R. *The Battle of Lechfeld and its Aftermath, August 955. The End of the Age of Migrations in the Latin West*. Aldershot; Burlington, 2006.

третий день праздника Михаила, то соответствовать 1 октября это могло только по латинскому церковному календарю. Между тем Евфросиния жила в Византии, где церковь придерживалась другого календаря и главный праздник св. Михаила — Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных сил бесплотных — приходился на 8 ноября, как было установлено еще в IV в. решением Лаодикийского поместного собора и тогда же вошло в месящеслов Восточной церкви¹³⁴.

Единственным удовлетворительным объяснением столь условной датировки может быть то, что Ирина-Мария, живя в Германии, ничего не знала о судьбе ни своего брата, ни сестры, также покинувших родину и, очевидно, потерявших связь друг с другом. Следовательно, память брата и сестры она внесла в церковный синодик, так сказать, авансом, не будучи уверенной в их смерти.

1 октября как дата смерти Мануила и Евфросинии, по всей видимости, было внесено в синодик в 1214 г., что было связано с перезахоронением в Шпайерском соборе праха короля Филиппа и его супруги Ирины. Тогда же, очевидно, и были окончательно определены дни памяти греческих родственников последней, ежегодное поминовение которых она завещала собору вместе с богатыми пожертвованиями.

Точно так же Шпайерские каноники поступили и при установлении дня памяти отца Ирины-Марии василевса Исаака. По-видимому, в Германии не знали точного дня его кончины (который, кстати сказать, неизвестен и современным исследователям¹³⁵). Поэтому упоминание Исаака было помещено под одним днем с его супругой, матерью королевы Ирины-Марии, также именуемой в синодике Ириной: «Нояб[ря] 18. XIII кал[енды] дек[абря]. Умерли Исаак, отец королевы Марии, и мать ее же Ирина, годовщину которых она (королева Ирина. — А. М.) установила отмечать»¹³⁶. 18 ноября по католическому календарю приходится на восьмой день, или «октаву», святителя Мартина Турского (ум. в 397 г.), одного из наиболее почитаемых Западной церковью святых (память 11 ноября)¹³⁷.

Ирина-Мария, несомненно, должна была помнить день смерти своей матери, умершей на ее глазах, т. е. в то время, когда юная византийская принцесса еще жила в родительской семье¹³⁸. Дата смерти матери могла бы считаться единственно достоверной датой смерти греческих родственников Ирины-Марии, упомянутых в Шпайерском синодике.

Однако соединение дат смерти отца и матери королевы и приурочивание их к церковному празднику св. Мартина говорит скорее о том, что и в данном случае мы имеем дело с условной датой. Наиболее значимые церковные праздники отмечаются в течение семи дней с октавой, приходящейся на восьмой день. Этот обычай берет начало еще в Ветхом Завете и характерен как для Латинской, так и для Византийской церкви, отмечающей поспразднества и отдания праздников¹³⁹. Выбор октавы св. Мартина Турского как дня памяти отца и матери королевы, очевидно, связан с каким-то особым отношением к этому святому в ее семье.

Шпайерский список греческих родственников Ирины-Марии является неполным. В нем недостает упоминания о ее мачехе Маргарите Венгерской, а также еще о двух младших братьях — родном брате Алексее (ставшем императором Алексеем IV) и сводном брате Иоанне. При этом о смерти первого из них в феврале 1204 г. Ирина не могла не знать, поскольку этот факт был слишком известен. Можно согласиться с предположением Р. Хистанда о том, что список

¹³⁴ Сергей (Спаский), архиеп. Полный месящеслов Востока: В 3-х т. М., 1997. Т. II. С. 348.

¹³⁵ Исаак II умер в день, который точно установить не удастся, приблизительно между 28/29 января и 8 февраля 1204 г., еще до того, как 8 февраля был убит его сын Алексей IV (*Hiestand R. Die erste Ehe Isaaks II. Angelos und seine Kinder. S. 207*).

¹³⁶ «Nov. 18. XIII. kal. dec. Ysaac pater Mariae reginae et Herina mater eiusdem obierunt, quorum anniversarium ipsa constituit celebrari» (*Kalendarium necrologicum canonicorum spirensium recentius. P. 325*).

¹³⁷ The Catholic encyclopedia. Vol. 9. P. 731 sq. (St. Martin of Tours).

¹³⁸ Ирина была выдана замуж в 1193 г., тогда как ее мать умерла примерно десятью годами ранее (*Βάρζος Κ. Η γενεαλογία των Κομνηνών. Τ. 2. Σ. 814*).

¹³⁹ The Catholic encyclopedia. Vol. 11. P. 204 sq. (Octave).

греческих родственников Ирины, воспроизведенный в Шпайерском синодике, отражает ее личное отношение к каждому из них¹⁴⁰.

Известие Галицко-Волынской летописи об обстоятельствах убийства «римского царя» Филиппа

Похоже, что какую-то связь со своей сестрой, германской королевой Ириной-Марией, вплоть до ее смерти в 1208 г. поддерживала и «великая княгиня Романова». В Галицко-Волынской летописи имеется сообщение об убийстве короля Филиппа Швабского и связанных с ним обстоятельствах. Подобными сведениями мог располагать только тот, кто был хорошо осведомлен в германских делах и знал тайные причины трагических событий в Бамберге 21 июня 1208 г.: «Оубьен быс црѣ великый Филипъ Римскый совѣтомъ брата королевое, молшеса сестрѣ, да бы ему нашла помощника. она же, никако могоуци помощи братоу своему си, и да дщерь свою за Лонокрабовича за Лоудовика, бѣ бо моужь силенъ и помощникъ братоу ее»¹⁴¹.

В данном сообщении речь идет о причастности к убийству короля Филиппа брата венгерской королевы Гертруды (жены Андрея II) герцога Экберта Андекс-Меранского епископа Бамбергского¹⁴². Опасаясь преследований, он бежал в Венгрию. Чтобы помочь брату, Гертруда выдала свою дочь Кунигунду (Кинеку) замуж за тюрингского ландграфа Людовика IV в расчете, что он станет союзником Экберта¹⁴³.

Появление этого сообщения о столь далеких от Галича событиях, не упоминающихся более ни в одной русской летописи, требует объяснения. Некоторые исследователи связывали его с пребыванием в 1211 г. при дворе венгерского короля юного Даниила Романовича, совпавшим по времени с отъездом в Тюрингию принцессы Кунигунды, которую еще недавно прочили в невесты Даниилу¹⁴⁴.

Однако подобное объяснение не может быть нами принято. Действительно, венгерский король Андрей II какое-то время собирался выдать за Даниила Романовича одну из своих дочерей и даже предполагал сделать его своим наследником. Но все это входило в планы короля лишь до тех пор, пока у него не родился собственный сын-наследник: «Данилови соуцою во Оугрѣхъ, король же Андрѣи, и боарѣ Оугорьстѣи, и вса земла хоташе дати дщерь свою за княза Данила, — шбѣима дѣтскома бывшима, — зане сна оу него не бѣ»¹⁴⁵.

Таковым наследником Андрея II стал его старший сын и будущий король Венгрии Бела IV (1235—1270 г.), родившийся в 1206 г. Следовательно, свое намерение породниться посредством брака с Даниилом Романовичем Андрей мог выражать не позднее этого времени, и в качестве невесты могла выступать венгерская принцесса, родившаяся не позднее 1206 г. Между тем

¹⁴⁰ *Hiestand R.* Die erste Ehe Isaaks II. Angelos und seine Kinder. S. 207.

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 723.

¹⁴² Об этом убийстве и его возможных мотивах см.: *Hucker B. U.* Der Königsmord von 1208 — Privatrache oder Staatsstreich? // Die Andechs-Meranier in Franken. Europäisches Fürstentum im Mittelalter. Mainz, 1998; *Bihrer A.* König Philipp von Schwaben — Bamberg, 21. Juni 1208.

¹⁴³ См.: *Zimmermann G.* Ekbert von Andechs, Bischof von Bamberg (1203—1237) // Dieses große Fest aus Stein. Lesebuch zum 750. Wehejubiläum / Hrg. von H.-G. Röhrig. Bamberg, 1987; *Beulertz S.* Ekbert von Andechs. Bischof von Bamberg (1203—1237) // Fränkische Lebensbilder. Würzburg, 1998. Bd. 17 (Veröffentlichungen der Gesellschaft für Fränkische Geschichte. Reihe VII A); *Flachenecker H.* Ekbert von Andechs (um 1175—1237) // Die Bischöfe des Heiligen römischen Reiches 1198—1448. Ein biographisches Lexikon / Hrg. von E. Gatz. Berlin, 2001.

¹⁴⁴ *Грушевський М.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. С. 11. Предположение М. С. Грушевского принимает А. Б. Головкин — автор комментария к новейшему изданию Галицко-Волынской летописи: Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 195. В этом комментарии ошибочно утверждается, что Гертруда, мать Кунигунды-Елизаветы, «была в девичестве венгерской принцессой» и «дочерью Андрея II». На самом деле, Гертруда была женой Андрея, а ее отцом был Бертольд IV (?—1204 г.), граф Андекский и герцог Меранский. В другом месте автор комментария ставит под сомнение предположение Грушевского, полагая, что «династический брак между венгерским королевским и галицко-волинским великокняжеским домами был задуман еще при жизни Романа Мстиславича».

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 723.

принцесса Кунигунда (Кинека), выданная в 1211 г. за тюрингского ландграфа Людовика IV, родилась в 1207 г., и поэтому на роль невесты Даниила она не подходит¹⁴⁶.

Единственной из дочерей Андрея II, которую он мог прочить в жены Даниилу до рождения Белы, могла быть только его старшая дочь Мария, родившаяся в 1204 г., а в 1221 г. выданная за болгарского царя Ивана II Асеня (1218–1241 г.) и ставшая матерью болгарского царя Калимана I (1241–1246 г.) (в болгарских источниках она фигурирует под именем Анны)¹⁴⁷.

Следовательно, предположение о включении в Галицко-Волынскую летопись сообщения об убийстве Филиппа Швабского в связи с матримониальными планами Даниила Романовича должно быть отвергнуто¹⁴⁸.

Интерес к этому событию галицкого летописца, на наш взгляд, мог быть связан с тем значением, которое придавала ему галицкая княжеская семья, и прежде всего «великая княгиня Романова». Трагическая гибель германского короля, а затем и его супруги, а также выяснение, кто к этому причастен, могли волновать тогда в Галиче разве что близких родственников погибших. И такими родственниками были княгиня Евфросиния и ее дети. Возможно, в Галиче чтили память погибшей германской королевы Ирины подобно тому, как в Шпайерском кафедральном соборе молились за упокой души ее старшей сестры Евфросинии.

Имя Евфросиния у дочерей и внуков Романа Мстиславича

Имя старшей дочери Исаака II — Евфросиния, — упомянутое в синодике Шпайерского собора, — еще один важный для нас след, способствующий ее идентификации.

Исследователями давно замечено, что важным инструментом в изучении генеалогии и династических связей средневековых правителей являются их личные имена. Нередко определенные имена могли повторяться из поколения в поколение, приобретая тем самым династический характер: по таким именам иногда становится возможным проследить родственные взаимоотношения их обладателей. Династические имена можно выявить и среди четырех поколений потомков Романа Мстиславича — детей, внуков, правнуков и праправнуков. По наблюдениям И. Грали и Л. В. Войтовича, наиболее популярными мужскими именами Романовичей были Даниил, Роман, Василько и Лев¹⁴⁹.

Отдельного упоминания заслуживают некоторые особенности выбора женских имен у Рюриковичей. Как устанавливают А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, эти имена «оказываются существеннейшим элементом династической стратегии, связанной как с политикой рода на собственной земле, так и с его внешними устремлениями». Дело в том, что «история женских имен как таковых тесно связана с историей обмена именами между двумя ветвями рода, а зачастую и двумя разными династиями, вступающими в союз, благодаря бракам»¹⁵⁰.

Женские имена могли наследоваться из рода матери, закрепляя тем самым недавно возникшие межродовые отношения. Использование имен родственников по женской линии в практике имянаречения подчеркивало знатность женщины, вступившей в брак¹⁵¹. Отметим

¹⁴⁶ Подробные биографические сведения об Андрее II и членах его семьи см.: Korai magyar történeli Lexikon (9–14. század) / Töszkerkesztő Gy. Kristó; szerkesztők P. Engel, F. Makk. Budapest, 1994.

¹⁴⁷ Божилев И. Фамилията на Асеневици (1186–1460). Генеалогия и просопография. С. 87; Николов Г. Н. Венгры в Болгарском царстве в XIII–XIV веках // Byzance et ses voisins. Mélanges à la mémoire de Gy. Moravcsik. Szeged, 1994. С. 78–79.

¹⁴⁸ Сам М. С. Грушевский впоследствии признавал, что Кунигунда-Елизавета не вполне подходит на роль предполагаемой невесты Даниила, но, тем не менее, продолжал настаивать на том, что «план женить Даниила на дочке Андрея» не был осуществлен, поскольку «королеву Елизавету отдали потом за Людовика, сына ландграфа Тюрингского» (Грушевский М. С. История Украины — Руси. Т. III. С. 26–27).

¹⁴⁹ Grala H. Drugie małżeństwo Romana Mścislawicza. S. 124–125; Войтович Л. Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль. С. 370.

¹⁵⁰ Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI в. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 238.

¹⁵¹ Там же. С. 256.

также, что значительное влияние семейно-родовых традиций испытывали не только личные имена, получаемые при рождении, но и новые христианские имена, приобретаемые князьями и княгинями уже в более зрелом возрасте (крестильные или иноческие). Большую часть таких имен, по выражению современных специалистов, можно считать «вполне традиционными для династии», а иногда даже «гипертрадиционными»¹⁵².

Речь идет о том, что получение иноческого имени в княжеской среде отнюдь не означало утрату прежнего личного имени, создавая тем самым некий феномен христианской двуименности. Если князь или княгиня, принимая постриг, получали новое имя, то оно также входило в родовой обиход, как и их прежнее крестильное имя. Иначе говоря, иноческое имя предка могло повторяться у его потомков наряду с его крестильным именем. Принимая постриг, Рюриковичи могли брать имена, которые уже носили в иночестве их предки; вместе с тем нередкими были случаи повтора иноческого имени предков в светских христианских именах потомков. При этом если повтор светского имени предка у князей мог быть связан с преемственностью родовых привилегий, то воспроизведение иноческих имен предполагало почитание предков, отказавшихся от мирской жизни¹⁵³.

Можно заметить, что в семье императора Исаака II также существовала традиция выбора имен для вновь рожденных дочерей, повторяющих имена, которые носили их ближайшие родственницы в предшествующих поколениях — матери или бабушки. Благодаря сведениям Шпайерского синодика мы знаем, что старшей дочери Исаака досталось имя его матери Евфросинии Кастамонитиссы¹⁵⁴, а имя его первой жены Ирины носила следующая по старшинству дочь от первого брака, ставшая впоследствии германской королевой Ириной-Марией.

Можно было бы ожидать, что указанные имена должны повториться и в следующем поколении потомков императора Исаака по женской линии. Похоже, что в случае с именем Евфросиния такие ожидания могут оправдаться.

Среди большого количества греческих имен, как бы неожиданно появляющихся у потомков галицко-волынского князя Романа Мстиславича от его второй жены (в первом и втором поколениях), несколько раз встречается имя Евфросиния — не самое распространенное среди женских имен в Древней Руси.

В научной и справочной литературе по генеалогии Рюриковичей за весь период правления династии (вплоть до конца XVI в.) отмечается всего около десяти случаев наречения именем Евфросиния русских княгинь и княжон, а в домонгольский период указывается около пяти таких случаев (часть из них составляют монашеские имена)¹⁵⁵. Тем более примечательно, что среди ближайшего потомства Романа Мстиславича и его второй жены имя Евфросиния встречается, по меньшей мере, дважды.

Насколько можно судить, такое имя носила одна из дочерей Романа Мстиславича, сведений о которой, к сожалению, пока еще недостаточно. Об этой русской княжне известно только по иностранным источникам, содержащим весьма противоречивые данные.

В сочинениях немецкого историка XVI в. Элиаса Ройснера есть сведения о том, что польский поморский князь Святополк (*świętopolk*) II (1215—1266 г.) был женат на дочери некоего Романа (Ромара) Русского по имени Саломея («*Salome fil. Romari Russi*»)¹⁵⁶. Подобные сведения

¹⁵² Там же. С. 240—241.

¹⁵³ Подробнее см.: Там же. С. 175—178 и след.

¹⁵⁴ Исаак II родился предположительно в сентябре 1156 г. и был шестым сыном Андроника Дуки Ангела (ок. 1115—1185 г.) и Евфросинии Кастамонитиссы (ок. 1125 — между 1185 и 1195 г.) (*Βάρζος Κ. Η γενεαλογία των Κομνηνών*. Т. 2. Σ. 807 и след.).

¹⁵⁵ *Войтович Л.* Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль. С. 609; *Донской Д. В.* Рюриковичи. Исторический словарь. С. 766; *Dąbrowski D.* Genealogia Mściśławowiczów. Pierwsze pokolenia (do rozszatkowania XIV wieku). S. 780. Наиболее полный перечень, представленный А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским, включает девять таких случаев за XII—XIV в. (*Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X—XVI в. Династическая история сквозь призму антропонимики. С. 544—545).

¹⁵⁶ *Elias Reusner.* Basilikon opus genealogicum catholicum de praecipuis familiis imperatorum, regum, principum, aliorumque procerum orbis Christiani. Francofurti, 1592. Т. I. P. 468.

сообщают в своих работах и некоторые другие авторы XVI—XVIII в. (Томас Кантцов, Вольфганг Йобст, Фридрих Вильгельм де Зоммерсберг)¹⁵⁷.

Вместе с тем по данным более ранних источников известно, что первая жена Святополка II носила имя Евфросиния. В синодике цистерцианского монастыря св. Марии в прусском городке Олива близ Данцига (Гданьска) приводится точная дата ее смерти — 23 сентября 1235 г.¹⁵⁸ Впервые Евфросиния упоминается в одном из померанских документов, датированном приблизительно 1220 г.¹⁵⁹

По поводу происхождения, а также имени первой жены Святополка Поморского в литературе высказывались различные предположения¹⁶⁰. Вслед за Н. А. Баумгартемом большинство исследователей считают ее дочерью галицко-волынского князя Романа Мстиславича, носившей имя Саломея¹⁶¹. Некоторые историки полагают более правильным именовать ее Евфросинией или двойным именем — Саломея-Евфросиния, из которых одно, по-видимому, было монашеским¹⁶².

На наш взгляд, имя первой жены Святополка II — Евфросиния, — подтвержденное аутентичными средневековыми источниками, несомненно, является более достоверным. Не исключено, что расхождения источников могли быть связаны с переменой имени русской жены Святополка вследствие замужества и влиянием новой культурной среды: русское династическое имя *Евфросиния* могло быть заменено (или дополнено) польским династическим именем *Саломея*. Впрочем, вопрос о происхождении этой княгини, и в частности была ли она дочерью Романа Мстиславича или его сына Даниила, пока еще остается открытым.

Более уверенно можно говорить о другом случае использования имени Евфросиния потомками Романа Мстиславича и его второй жены. Исследованиями И. Грали и Д. Домбровского установлено, что одна из их дочерей по имени Елена около 1212 г. была выдана замуж за черниговского князя Михаила Всеволодовича. В браке с ним были рождены три дочери, одна из которых получила имя Евфросиния¹⁶³.

Точнее говоря, имя *Евфросиния* упомянутой внучки Романа Мстиславича и его второй жены было монашеским. Обрученная со старшим братом Александра Невского Федором Ярославичем, княжна после его внезапной смерти приняла постриг (1227 г.) и прославилась своими христианскими подвигами, будучи причисленной (XVI в.) к лику святых под именем Евфросинии Суздальской¹⁶⁴.

¹⁵⁷ См.: *Rymar E. Rodowód książąt pomorskich. Szczecin, 1995. Т. I. S. 270; Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 265–266.*

¹⁵⁸ *Liber mortuorum monasterii beatae Mariae de Oliva ordinis Cisterciensis / Ed. W. Kętrzyński // Monumenta Poloniae historica. Lwów, 1888. Т. V. S. 525.*

¹⁵⁹ *Pommerellisches Urkundenbuch / Bearb. von M. Perlbach. Danzig, 1882. Nr. 18.*

¹⁶⁰ Обзор мнений см.: *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. S. 267.*

¹⁶¹ *Baumgarten N. de. Généalogies et mariages occidentaux des Ruricides Russes. Tabl. XI. P. 48; Пащуро В. Т. 1) Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 208; 2) Внешняя политика Древней Руси. С. 251, 296, 357. Прим. 15; Forssmann J. Die Beziehungen altrussischer Fürstengeschlechter zu Westeuropa. Ein Beitrag zur Geschichte Ost- und Nordeuropas im Mittelalter. Bern, 1970. Taf. VII; Schwennicke D. Europäische Stammtafeln. Bd. II. Taf. 136; Махновець Л. Є. [Примітки] // Літопис Руський... С. 385. Прим. до 6737 р.; Котляр М. Ф. Галицко-Волынская Русь и Византия в XII—XIII в. (связи реальные и вымышленные). С. 276.*

¹⁶² *Quandt L. Ostpommern, seine Fürsten, fürstlichen Landestheilungen und Distrikte // Baltische Studien. [Alte Folge.] Stettin, 1856. Jg. 16. Hft. I. S. 101; Hofmaister A. Genealogische Untersuchungen zur Geschichte des pommerschen Herzogshauses // Greifswalder Abhandlungen zur Geschichte des Mittelalters. Greifswald, 1938. Bd. 11. S. 44; Войтович Л. В. Княжа доба на Русі: портрети еліти. С. 495.*

¹⁶³ *Grala H. Drugie małżeństwo Romana Mściślawicza. S. 125–126; Dąbrowski D. 1) Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. S. 51–59; 2) Genealogia Mściślawowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). S. 296–300. И. Граля и Д. Домбровский, исходя из того, что второй брак Романа мог быть заключен еще в 1199 г., рождение этой его дочери датируют более широким временным интервалом — между 1199 и 1201 г.*

¹⁶⁴ *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI в. Династическая история сквозь призму антропонимики. С. 619–620.*

Отражение культа св. Евфросинии в традиции имянаречения древнерусских князей

Имя Евфросинии было популярным не только в семье галицко-волинского князя. Оно несколько раз встречается также у ближайших потомков Юрия Владимировича Долгорукого. Его дочь Ольга приняла перед смертью постриг под именем Евфросиния¹⁶⁵. Евфросиниями были наречены две внучки Юрия: одна, дочь белгородского и туровского князя Бориса Юрьевича, известна только из летописного сообщения о ее смерти¹⁶⁶, а другая, дочь галицкого князя Ярослава Осмомысла и упомянутой Ольги-Евфросинии Юрьевны, стала главной героиней «Слова о полку Игореве»¹⁶⁷. Внучатая племянница Ольги-Евфросинии, внучка Всеволода Большое Гнездо и киевского князя Рюрика Ростиславича, Евфросиния Ростиславна получила это имя при крещении¹⁶⁸.

А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский полагают, что своего рода семейный культ св. Евфросинии у потомков Юрия Долгорукого мог возникнуть благодаря деятельности Евфросинии Полоцкой¹⁶⁹. Прославившаяся своей монашеской жизнью, добровольно избранной ею в раннем возрасте, Евфросиния (в миру Предслава, дочь полоцкого князя Георгия Всеславича) на склоне лет совершила паломничество в Иерусалим, где и сподобилась принять смерть¹⁷⁰. Канонизация Евфросинии Полоцкой состоялась только на Соборе 1547 г., однако почитание ее началось еще в домонгольский период, когда была составлена ранняя редакция Жития и началось церковное прославление княгини-инокини¹⁷¹.

Следует, однако, учесть, что династия полоцких князей рано (еще в XI в.) обособилась от прочих Рюриковичей и вела упорную политическую борьбу, в частности, с потомками Владимира Мономаха, одним из ярких эпизодов которой стала высылка в Византию полоцких князей сыном Мономаха киевским князем Мстиславом Владимировичем¹⁷². Едва ли можно говорить о существовании каких-то тесных контактов между полоцкими князьями и членами семьи Юрия Долгорукого в середине — второй половине XII в.

Появление у потомков Юрия имени Евфросиния, как нам кажется, правильно было бы связывать со вторым браком князя, заключенным с некоей знатной византийкой, от которой были рождены его младшие сыновья — Мстислав, Василько, Михалко и Всеволод, а также две дочери, в том числе и Ольга-Евфросиния¹⁷³. В 1162 г., уже после смерти Долгорукого, его вторая жена вместе с сыновьями была выслана в Византию Андреем Боголюбским (сыном Юрия от первого брака), где, судя по летописному сообщению, императором Мануилом им был оказан радушный прием и даже выделены четыре города на Дунае и область «Отскалана»¹⁷⁴. Эти сведения подтверждаются сообщением византийского историка Иоанна Киннама о том, что «василевс дал пришедшему Васильку, сыну Георгия, который среди филархов Тавроскифской страны обладал старшинством», «земли у Истра (Дуная. — А. М.)»¹⁷⁵.

¹⁶⁵ ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 389; Т. II. Стб. 624.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 417.

¹⁶⁷ Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI в. Династическая история сквозь призму антропонимики. С. 544—545, 592—593.

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 708.

¹⁶⁹ Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI в. Династическая история сквозь призму антропонимики. С. 178.

¹⁷⁰ Подробнее см.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 632—633.

¹⁷¹ Воронова Е. М. Житие Евфросинии Полоцкой // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1; Серегина Н. С. Песнопения русским святым. По материалам рукописной певческой книги XI—XIX в. «Стихирарь месячный». СПб., 1994. С. 346; Флоря Б. Н. Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка // Отечественная история. 1995. № 5. С. 112.

¹⁷² Алексеев Л. В. 1) Полоцкая земля в IX—XIII в. М., 1966. С. 257—262; 2) Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры. М., 2006. Кн. 2. С. 14—15; Штыхов Г. В. Древний Полоцк. Минск, 1975. С. 16.

¹⁷³ См.: Пчелов Е. В. Генеалогия семьи Юрия Долгорукого // Ruthenica. Київ, 2004. Т. III.

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 521. См. также: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 469, 485.

¹⁷⁵ Бибииков М. В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1997. С. 67.

Версию византийского происхождения второй жены Долгорукого ставит под сомнение А. П. Каждан, указывая на то, что она не находит прямых подтверждений в источниках¹⁷⁶. И все же в распоряжении исследователей такие подтверждения имеются.

Интересующие нас данные были получены при изучении остатков фресковой росписи церкви Бориса и Глеба в селе Кидекше под Суздалем, где в середине XII в. Юрием Долгоруким была устроена загородная княжеская резиденция. Построенная в 1152 г., церковь была расписана лишь спустя несколько десятилетий, когда она стала княжеской усыпальницей. В этой церкви похоронены уже упомянутые нами князь Борис Юрьевич, его жена Мария и дочь Евфросиния¹⁷⁷.

В 1946–1947 г. в аркосолии (погребальной нише) северной стены церкви, справа от большой живописной композиции «Знамение Богородицы», выполненной во второй половине XIX в., было обнаружено древнее изображение женской фигуры в образе святой. После снятия живописи XIX в. открылось парное ей изображение слева¹⁷⁸. Исследования изображений, проведенные в ходе их реставрации, установили, что в правой части ниши помещен образ св. Марии, о чем свидетельствуют остатки надписи, читающейся по сторонам от ее нимба: «...а Ма...иа» — «агиа Мария» (Святая Мария). Этот образ, несомненно, расположен рядом со стоящим в северном аркосолии храма саркофагом княгини Марии († 1161 г.)¹⁷⁹. Другой саркофаг находится в противоположном южном аркосолии, и в нем, надо думать, покоятся останки князя Бориса († 1159 г.). Оба саркофага в виде простых прямоугольных каменных ящиков трапециевидной формы сохранились до нашего времени и стоят каждый на своем месте в нишах-аркосолиях Борисоглебской церкви¹⁸⁰.

В женской фигуре, изображенной в левой части северного аркосолия, можно было бы предполагать святую, соименную дочери Бориса и Марии Евфросинии, умершей в 1202 г. и погребенной в этом же храме. Однако предполагаемая святая представлена в несвойственном для св. Евфросинии виде — облаченной в роскошные императорские одежды из расшитого золотом и жемчугом пурпура, с золотой стеммой (венцом) на голове с нимбом¹⁸¹.

Исследователи единодушны во мнении, что рядом со св. Марией изображена греческая принцесса — жена Юрия Долгорукого¹⁸².

Такой атрибуции не противоречит изображение византийской царевны с нимбом святой. В византийской традиции подобные изображения императоров и императриц получили весьма широкое развитие и хорошо известны как в самой Византии, так и за ее пределами¹⁸³. Известны также попытки укоренения подобной традиции и в Московской Руси: во времена Ивана Грозного в образе святого стали изображать его отца Василия III, подготавливая, вероятно, почву для его возможной канонизации¹⁸⁴.

¹⁷⁶ Kazhdan A. Rus' — Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries. P. 423–424.

¹⁷⁷ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV в. М., 1961. Т. I. С. 67–76; Ранняпорт П. А. Русская архитектура X–XIII в. Каталог памятников. Л., 1982 (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е 1–47). С. 60–61; Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область: В 6-ти частях / Отв. ред. В. В. Седов. М., 2004. Ч. 1. С. 37; Заграевский С. В. Новые исследования памятников архитектуры Владимиро-Суздальского музея-заповедника. М., 2008. Гл. 4.

¹⁷⁸ Сычев Н. Предполагаемое изображение жены Юрия Долгорукого // Сообщения Института истории искусств Академии наук СССР. М.; Л., 1951. Вып. 1.

¹⁷⁹ Там же. С. 55–56.

¹⁸⁰ Панова Т. Д. Каменные гробы в погребальном обряде русского средневековья (XI–XVII в.) // Russia mediaevalis. München, 2001. Т. X. Teil 1. S. 159.

¹⁸¹ Сычев Н. Предполагаемое изображение жены Юрия Долгорукого. С. 56.

¹⁸² Там же; Воронин Н. Н. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1967. С. 248; Вагнер Г. К. Суздаль. Очерк. М., 1969. С. 9; Масленицын С. И. Живопись Владимиро-Суздальской Руси. 1157–1238 годы. М., 1998. С. 55; Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004. С. 104.

¹⁸³ Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 61; Оболенский Д. Византийское содружество наций. С. 171. Подробнее см.: Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000.

¹⁸⁴ Самойлова Т. Е. 1) «Новооткрытый» портрет Василия III и идеи святости государева рода // Искусствознание. М., 1999. Вып. 1; 2) К истории возникновения традиции написания мерных икон // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век / Отв. ред. А. Л. Баталов. СПб., 2003. С. 362.

Светский портрет над захоронением наряду с изображениями святых, по-видимому, был распространенным явлением в Древней Руси: его можно видеть в росписях погребальных ниш других храмов домонгольского времени. К примеру, в аркосолии южной стены церкви Спаса на Нередице под Новгородом помещен портрет древнерусского князя, вероятно, ктитора этой церкви, с моделью храма в руках; во втором аркосолии южной стены (в апсиде) был написан Илья Пророк, в апсиде северной стены — Петр Александрийский, а в западной части северной стены — св. Фекла¹⁸⁵.

Как полагают исследователи, церковь св. Бориса и Глеба в Кидекше была расписана только в 80-е годы XII в. «Весьма вероятно, — пишет Н. Н. Воронин, — что роспись была сделана по распоряжению Всеволода III, желавшего почтить храм отцовской усадьбы и память своей матери-гречанки, принцессы из рода Комнинов»¹⁸⁶. Последняя приходилась родной бабушкой Евфросинии Борисовне, племяннице Всеволода, которая избрала кидекшский храм местом для собственного погребения. Весьма вероятно, что свое греческое имя Евфросиния могла получить в честь бабушки-гречанки¹⁸⁷.

В 70-х годах XVII в. любознательный суздальский воевода Тимофей Савелов, заглянув в щель расколотой крышки одного из княжеских саркофагов Борисоглебской церкви, увидел, что на скелете превосходно сохранились остатки драгоценной одежды: «поверх лежит неведомо какая одежда шитая золотом... на ней же вышит золотом орел пластаной (т. е. раскрывший крылья. — А. М.) одноглавной, а от того орла пошло на двое шито золотом же и серебром узорами...»¹⁸⁸. Одежды из тканей с вышитыми или вытканными на них орлами с раскрытыми крыльями можно было видеть на парадных княжеских портретах, изображенных на стенах древнерусских храмов (Софийский собор в Киеве, Успенский собор во Владимире, церковь Спаса на Нередице под Новгородом)¹⁸⁹. Не вызывает сомнения византийское происхождение подобных одеяний. Как установил еще Н. П. Кондаков, «мантии и облачения с таким рисунком, носившие в Византии специальное название “орлов”, входили в число высших чиновных облачений византийского двора»¹⁹⁰.

Заметим, что имя Евфросинии Полоцкой также могло возникнуть под влиянием семейных связей полоцких князей с византийским императорским домом Комнинов. Есть основания полагать, что тетка Евфросинии, дочь полоцкого князя Всеслава Брячиславича, в 1106 г. была выдана замуж за одного из сыновей императора Алексея I Комнина (1081—1118 г.)¹⁹¹. Очевидно, этим родством объясняется тот факт, что Евфросиния была принята императором Мануилом I Комнином во время своего паломничества в Иерусалим, а также пользовалась особым расположением константинопольского патриарха Луки Хризверга (1156—1169 г.), приславшего ей драгоценную икону Божией Матери Эфесской, написанную по преданию святым апостолом и евангелистом Лукой¹⁹².

¹⁸⁵ Некрасов А. И. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937. С. 86; Дмитриев Ю. Н. Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование // Практика реставрационных работ / Науч. ред. Ш. Е. Ратия. М., 1950. Сб. 1. С. 155—157; Семенов А. И. Нередица. Новгород, 1962. С. 20—21; Пивоварова Н. В. Ктиторская тема в иконографической программе церкви Спаса на Нередице // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Вып. 23; Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI—XVI веков. С. 104.

¹⁸⁶ Воронин Н. Н. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. С. 248.

¹⁸⁷ Сычев Н. Предполагаемое изображение жены Юрия Долгорукого. С. 59. См. также: История русского искусства / Под ред. И. Э. Грабаря. М.; Л., 1953. Т. I. С. 458.

¹⁸⁸ Цит. по: Воронин Н. Н. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. С. 247.

¹⁸⁹ См.: Высоцкий С. А. Светские фрески Софийского собора в Киеве. Киев, 1989. С. 63, 84; Кондаков Н. П. Русская икона: В 4-х т. Прага, 1928. Т. I. С. 119; Сычев Н. П., Мясоедов В. К. Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925. Табл. 56. Л. 1.

¹⁹⁰ Кондаков Н. П. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906. С. 38.

¹⁹¹ Лопарев Х. М. Брак Мстиславны (1122 г.). Т. IX. С. 419; Мошин В. А. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII в. // Из истории русской культуры. Статьи по истории и типологии русской культуры / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002. Т. II. Кн. 1. С. 332; Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси. Кн. 2. С. 11.

¹⁹² См.: Повесть о Евфросинии Полоцкой // Памятники старинной русской литературы / Изд. гр. Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4.

Культ св. Евфросинии Александрийской и византийская монахиня-императрица Евфросиния

Распространение имени Евфросиния как в Византии, так и на Руси, очевидно, было связано с культом св. Евфросинии Александрийской (ум. в 470 г.), память которой отмечается дважды — 25 сентября и 15 февраля¹⁹³. Об этом свидетельствует, в частности, сообщение Ипатьевской летописи (под 1199 г.) о рождении дочери у Ростислава Рюриковича: «Того же лета на зиму родися дщи оу Ростислава оу Рюриковича, и нарекоша имя еи Ефросенья и прозваниемъ Изморагдъ, еже наречеться дорогии камень»¹⁹⁴.

Второе имя княжны — Изморагд (Смарагд), — определяемое в летописи как прозвище, указывает именно на Евфросинию Александрийскую. Согласно житию святой, в возрасте восемнадцати лет она против воли отца приняла постриг и, чтобы отец не смог ее найти и вернуть домой, ушла в мужской монастырь, притворившись евнухом по имени Измарагд¹⁹⁵.

В честь Евфросинии Александрийской свое монашеское имя приняла дочь Михаила Всеволодовича Черниговского Феодулия, ставшая святой Евфросинией Суздальской. В ее житии сказано, что княжна приняла постриг 25 сентября, когда «творится память Змарагду преподобныя Еуфросинии Александреискыя»¹⁹⁶. Патрональное изображение этой святой было на знаменитом кресте-реликварии Евфросинии Полоцкой¹⁹⁷. Это обстоятельство позволяет думать, что и полоцкая святая свое монашеское имя также приняла в честь Евфросинии Александрийской.

Очевидно, что культ этой святой, широко распространившийся среди русских князей в XII в., пришел из Византии, чему способствовали, как мы видели, династические браки полоцких, суздальских и галицко-волынских княжон и князей с родственницами византийских императоров.

Особое же почитание Евфросинии Александрийской при императорском дворе и в кругу византийской знати было связано, очевидно, с историей императрицы Евфросинии (ум. после 836 г.), дочери последнего представителя Исаврийской династии Константина VI Слепого (780—797 г.), ставшей женой основателя Аморийской династии Михаила II Травла (820—829 г.) и мачехой императора Феофила (829—842 г.).

Родившаяся около 790 г. Евфросиния в январе 795 г. была отправлена собственным отцом вместе с матерью и сестрой в женский монастырь на Принцевых островах, где все они приняли постриг. Таким способом император Константин избавился от своей первой семьи после развода с императрицей Марией, жениться на которой он должен был против воли, по настоянию своей матери императрицы Ирины. После этого Константин женился вновь на своей давней любовнице, одной из придворных дам по имени Федота. Вскоре, однако, он стал жертвой заговора, устроенного его матерью, много лет бывшей его соправительницей и соперницей в борьбе за власть. После ослепления и гибели Константина императрица Ирина стала править единолично (797—802 г.)¹⁹⁸.

Через несколько десятилетий, проведенных в монашестве, в судьбе Евфросинии произошла неожиданная перемена. В 823 г. новый император Михаил II, недавно овдовевший, стремясь укрепить свое положение на троне родством с представительницей прежней императорской династии и тем самым как бы компенсировать свое собственное низкое происхождение, заручившись поддержкой синклита, вернул Евфросинию из монастыря и сочетался с ней браком.

---

¹⁹³ Сергей (Спаский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. II. С. 154, 204, 298.

¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 708.

¹⁹⁵ Vita sanctae Euphrosynae // Patrologiae cursus completus / Acc. J.-P. Migne. Paris, 1851. T. LXXIII. Col. 643–652.

¹⁹⁶ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001. С. 383.

¹⁹⁷ Алексеев Л. В. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. // Советская археология. 1957. № 3; Штыхов Г. В. Печать XII века из Полоцка // Советская археология. 1965. № 3. С. 244. Ср.: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV в. М., 1970. Т. I. С. 102.

¹⁹⁸ См.: Barbe D. Irène de Byzance: La femme empereur. Paris, 1990; Lilie R.-J., Rochow I. Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. (780–802). Frankfurt am Main, 1996.

Сообщение об этом браке находим в «Истории» Продолжателя Феофана: «И вот властитель всей земли подчинился приказу синклита и, отвергнув целомудренную жизнь, будто вопреки воле сочетался браком, взяв в жены не какую-нибудь другую, а женщину, давно отвергнувшую мир с его радостями, обрученную с Христом, с детства в подвижничестве проводившую свои дни в обители на острове Принкипо (Принцевы острова. — А. М.), Богу преданную. Имя ей Евфросинья, и была она дочерью того самого Константина, который по справедливому суду матери был обречен на ослепление»¹⁹⁹.

Пребывание Евфросинии в императорском дворце продолжалось несколько лет и закончилось вскоре после смерти ее супруга. Новый император Феофил, придя к власти, не замедлил вернуть свою мачеху к ее прежней монашеской жизни. Продолжатель Феофана сообщает: «Он (император Феофил. — А. М.) изгнал свою мачеху Евфросинью и заставил ее вернуться в тот монастырь, в который она прежде постриглась»²⁰⁰.

По другой версии, Евфросиния удалилась в монастырь по собственной воле²⁰¹.

Очевидно, с именем монахини-императрицы Евфросинии связано появление в Константинополе в первой четверти IX в. монастыря св. Евфросинии. В «Родословной Константинополя» (Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως) — памятнике X в. (с многочисленными более поздними дополнениями), посвященном происхождению и истории города, а также описанию его достопримечательностей²⁰², — этот небольшой женский монастырь упоминается под названием Ливадийского (τά Λιβάδια), основательницей которого значится императрица Ирина²⁰³. По поводу времени и конкретных обстоятельств основания обители в литературе высказываются различные предположения; по-разному решается и вопрос о том, кто из византийских императриц являлся его основательницей²⁰⁴. В любом случае, основание Ливадийского монастыря в Константинополе, видимо, можно считать первым свидетельством почитания Евфросинии Александрийской в семье византийских императоров.

Похоже, что судьбу византийской монахини-императрицы Евфросинии, дочери Константина VI и жены Михаила II, спустя четыре столетия удивительным образом повторила дочь императора Исаака II, также носившая имя Евфросинии. Отданная своим отцом еще в детстве в монастырь, она через несколько лет была возвращена к светской жизни, чтобы стать женой галицко-волынского князя Романа Мстиславича, главного военного союзника нового императора Алексея III. Рано овдовев после гибели Романа, Евфросиния через несколько лет вновь вернулась к монашеской жизни. Для нее под Холмом — новой столицей Галицко-Волынской Руси — был построен монастырь, своим внешним обликом и внутренним убранством весьма напоминающий небольшие частные монастыри, строившиеся тогда для представителей высшей аристократии в Северной Греции.

Выдавая царевну Евфросинию, недавнюю монахиню, замуж за русского князя, в окружении Алексея III, разумеется, не могли не знать о ее предшественнице, царевне Евфросинии, жившей в первой половине IX в., пример которой должен был стать своего рода прецедентом для нового аналогичного случая. О прецедентном характере жизненного пути старшей дочери Исаака II

¹⁹⁹ *Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей* / Пер., ст., комм. Я. Н. Любарского. СПб., 2009. С. 55 (II. 24).

²⁰⁰ Там же. С. 61 (III. 1).

²⁰¹ Georgii Monachi vitae imperatorum recentiorum // Theophanes Continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon Magister. Georgius Monachus / Rec. I. Bekkerus. Bonnæ, 1838. P. 790 (21). См. также: *Мелиоранский Б.* Из семейной истории Аморийской династии // *Византийский временник*. СПб., 1901. Т. VIII. С. 32 и след.; *Garland L.* Byzantine empresses: women and power in Byzantium. 527–1204. P. 84 sqq.; *Herrin J.* Women in Purple: Rulers of Medieval Byzantium. Princeton, 2001. P. 176 sqq.

²⁰² См.: *Berger A.* Untersuchungen zu den Patria Konstantinopoleos. Bonn, 1988.

²⁰³ *Patria Constantinopoleos* / Ed. Th. Preger. Leipzig, 1907. Bd. II (Scriptores Originum Constantinopolitanarum. Т. II). P. 243, 265.

²⁰⁴ *Lilie R.-J., Rochow I.* Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. S. 77, 145; *Garland L.* Byzantine empresses: women and power in Byzantium. 527–1204. P. 93; *Hallie P.* The monks and monasteries of Constantinople. 350–850. Cambridge; New York, 2007. P. 332. О местонахождении монастыря см.: *Berger A.* Untersuchungen zu den Patria Konstantinopoleos. S. 632.

свидетельствует, по-видимому, и данное ей имя — Евфросиния. Мы не знаем, было ли это имя дано ей при рождении или получено в иночестве, но в таком имени был, очевидно, «закодирован» некий стереотип женской судьбы для его обладательницы.

Следует учитывать, что со времен Античности в европейской традиции существует представление об определенной (иногда прямой) взаимосвязи имени и последующей судьбы, как бы предопределяемой этим именем, — будь то в обыденно-житейском или религиозно-мистическом смысле²⁰⁵. Такого рода представление было свойственно и древнерусским князьям, весьма тщательно подходившим к выбору имени, соблюдая при этом различные условия и ограничения²⁰⁶. Так или иначе, можно думать, что имя царевны Евфросинии, в котором был запечатлен пример ее знаменитых тезок — св. Евфросинии Александрийской и монахини-императрицы Евфросинии, могло служить для нее неким ориентиром в выборе собственной жизненной стратегии.

Можно также предположить, что на определенном этапе какую-то роль в судьбе своей бедной родственницы — освобождении из монастыря для последующего замужества — могла сыграть жена Алексея III, также носившая имя Евфросинии (кстати сказать, очень редко встречавшееся у византийских императриц), которая, как известно, играла весьма заметную роль в политической жизни империи²⁰⁷.

Светское и монашеское имя галицко-волынской княгини «Романовой»

В заключение нам остается рассмотреть вопрос о том, какое имя дочь Исаака II могла носить на Руси. Решение подобного вопроса затруднено тем, что в Галицко-Волынской летописи, как и в других источниках, «великая княгиня Романова» ни разу не названа своим собственным именем. Тем не менее исследователи неоднократно пытались выяснить возможное имя княгини.

Единственным основанием для этого служит указание летописи о том, что ее внук князь Мстислав Данилович возвел над могилой своей бабки часовню, названную в честь праведников Иоакима и Анны. Галицко-Волынская летопись сообщает об этом под 6799 (1291) г.: «Того ж лѣт. Мѣстиславоу князю вложи емоу Бѣ во срѣде мьсль блгоу: созда гробницу камену надъ гробомъ бабы своеи Романовой в монастырѣ въ стго. И свѣца ю во имя правѣдникуо Акима и Анны, и слоужбоу в ней створи»²⁰⁸.

Приведенное сообщение, к сожалению, не содержит сведений о том, в каком монастыре находилась могила княгини, и даже о том, в каком городе располагался этот монастырь. Можно лишь догадываться, что упомянутая обитель находилась во Владимире-Волынском, где княжил тогда Мстислав Данилович.

Какая-то церковь св. Иоакима и Анны во Владимире-Волынском действительно существовала: она упоминается в источниках XVI в.²⁰⁹ Храм был разрушен, по-видимому, еще в 1370 г., когда литовские князья уничтожили замок польского короля Казимира III, возведенный им во Владимире-Волынском. Неоднократно предпринимавшиеся поиски археологических следов церкви пока не дали надежных результатов²¹⁰.

²⁰⁵ См., например: Булгаков С. Н. *Философия имени*. Париж, 1953. С. 166; Горан В. П., Карпович В. Н. *Древнегреческая мифология судьбы*. Новосибирск, 1990. С. 163.

²⁰⁶ Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI в. *Династическая история сквозь призму антропонимики*. С. 13 и след.

²⁰⁷ Об императрице Евфросинии, супруге Алексея III, см.: *Polemis D. I. The Doukai*. P. 131. Nr. 101; *Garland L. Byzantine empresses: women and power in Byzantium, 527–1204*. P. 210 sqq.

²⁰⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 937–938.

²⁰⁹ Теодорович Н. И. *Город Владимир Волынской губернии в связи с историей волынской иерархии*. (Исторический очерк). Почаев, 1893. С. 142.

²¹⁰ *Малевская М. В., Шолохова Е. В.* 1) *Раскопки архитектурных памятников в Любомле и Владимире-Волынском // Археологические открытия*. 1975. М., 1976. С. 355; 2) *Архитектурно-археологические исследования во Владимире-Волынском // Археологические открытия*. 1976. М., 1977. С. 328; *Малевская М. В.* *Архитектурно-археологические исследования на Волыни // Археологические открытия*. 1982. М., 1984. С. 291.

Упомянутое в летописи название часовни, построенной над могилой «великой княгини Романовой», стало для большинства исследователей ключом к решению вопроса о ее собственном имени: княгиню должны были звать Анной так же, как и одноименную святую, в честь которой был возведен храм. Это мнение, высказанное когда-то М. С. Грушевским в качестве предположения и поддержанное Н. А. Баумгартеном, а затем В. Т. Пашуто²¹¹, теперь является общепринятым, переходящим из одной работы в другую²¹².

Между тем вопрос о личном имени княгини, как представляется, не должен решаться столь прямолинейным образом. Часовня, выстроенная над ее могилой, была посвящена не одной святой, а сразу двум, и прежде всего не Анне, а Иоакиму. Следовательно, прямое соотнесение имени погребенной здесь княгини с именем св. Анны невозможно. Данное обстоятельство, остающееся все еще без должного внимания, по всей видимости, может стать поводом к пересмотру сложившегося в историографии стереотипа.

Первым на указанную особенность названия часовни и несоответствие его с приписываемым княгине именем Анны обратил внимание И. Граля²¹³. Его наблюдения, к сожалению, остались незамеченными большинством современных авторов²¹⁴. Ввиду сказанного вопрос об именовании Анной второй жены Романа Мстиславича требует нового к нему обращения.

Образующие пару имена Иоакима и Анны в христианском именовании соответствуют именам праведных родителей св. Девы Марии, матери Христа. Культ Богородицы можно считать самым распространенным и долговременным на Руси, сложившимся с момента принятия христианства и выразившимся в строительстве огромного количества храмов и монастырей в ее честь, создании бесчисленных произведений искусства и литературы²¹⁵.

Мы разделяем принятое многими исследователями предположение о том, что имя галицко-волинской княгини должно было как-то соответствовать именам святых, которым была посвящена построенная над ее могилой часовня-усыпальница. Посвятить эту часовню сразу обоим святым, по всей видимости, можно было в том случае, если имя усопшей соотносилось с именами как Иоакима, так и Анны. Это возможно, только если имя княгини совпадало с именем дочери праведных Богоотцов Марии.

Похоже, что строительство храмов в честь русских княгинь, носивших имя Марии, посвященных, однако, не самой Богородице, а ее родителям, велось и в других городах Руси. В качестве примера укажем на построенную Всеволодом Большое Гнездо в 1196 г. церковь Иоакима и Анны во Владимире-на-Клязьме²¹⁶. Храм, по всей видимости, был посвящен его

²¹¹ Грушевський М. С. Історія України — Руси. Т. III. С. 569; Baumgarten N. de. Génalogies et mariages occidentaux des Ruricides Russes. Tabl. XI; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. С. 132 и др.

²¹² Włodarski B. Polska i Ruś. 1194–1340. Warszawa, 1966. S. 32; Isenburg W. K. von. Stammtafeln zur Geschichte der europäischen Staaten. Marburg, 1956. Bd. II. Tabl. 93; Dworzaczek W. Genealogia. (Tablice), Warszawa, 1959. Tabl. 27; Грицак П. Галицько-Волинська держава. Нью-Йорк, 1958. С. 61–68, 106; Махновець Л. Є. [Примітки] // Літопис Руський... С. 369. Прим. 2 до 6710 р.; Котляр М. Ф. 1) Галицько-Волинська Русь. С. 161; 2) Дипломатія Южної Русі. С. 97–110; 3) Даниил, князь Галицький. Документальне повествовання. СПб., 2008. С. 51–68; Котляр М. Ф., Ричка В. М. Княжий двір Південної Русі Х–ХІІІ ст. Київ, 2008. С. 241 та ін.; Головки О. Б. 1) Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі ХІІ — початку ХІІІ століття. С. 141–142; 2) Корона Данила Галицького. Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ, 2006 С. 238, 242, 260–262 та ін.; Войтович Л. В. 1) Князівські династії Східної Європи (кінець ІХ — початок ХVІ ст.). Склад, суспільна і політична роль. С. 71–72, 380–381 та ін.; 2) Княжа доба на Русі: портрети еліти. С. 482–484; 3) Мати короля Данила (зауваження на полях монографії Д. Домбровського); Bartnicki M. Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264. Lublin, 2005. S. 24.

²¹³ Grala H. Drugie małżeństwo Romana Mściśławicza. S. 124.

²¹⁴ В новейшій історіографії їх прийняв і підтримав своїми спостереженнями тільки Д. Домбровський (Dąbrowski D. 1) Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. S. 42; 2) Genealogia Mściśławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). S. 264).

²¹⁵ См.: Плеханова М. В. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995; Этингоф О. Е. Образ Богоматери. Очерки византийской иконографии XI–XIII в. М., 2000; Прудникова Е. А. Земля Богородицы. М., 2007.

²¹⁶ ПСРА. Т. I. Стб. 412.

супруге княгине Марии — одной из самых знаменитых русских княгинь рубежа XII—XIII в.²¹⁷ С почитанием Марией «Всеволожей» родителей Богородицы связано освящение еще одного храма во Владимире: церковь Успения Богородицы (построенная в основанном ей монастыре) была освящена в день, когда праздновалась память Иоакима и Анны, — 9 сентября²¹⁸.

Выбор праведной Анны в качестве патрональной святой для княгини, носившей имя Марии, как нам кажется, может иметь следующее объяснение. В Средние века обычно избегали давать имя непосредственно в честь Богородицы²¹⁹. Тем не менее имя Марии оставалось одним из самых популярных христианских имен — крестильных и монашеских. Мать Богородицы Анна в некоторых случаях, по-видимому, могла выступать в качестве, так сказать, патрональной святой — заместительницы для обладательниц имени Мария.

В то же время нельзя полностью исключать возможности создания храма в честь Иоакима и Анны, который можно было бы отнести к лицу, тезоименитому одному из названных святых непосредственно. Подобные случаи также известны в истории Древней Руси.

По некоторым данным, одним из древнейших христианских храмов Великого Новгорода была церковь Иоакима и Анны, построенная первым новгородским епископом Иоакимом Корсунянином. Храм был разобран во время строительства Софийского собора, в котором с начала XII в. известен придел Иоакима и Анны, богато украшенный в XVI—XVII в. и имевший собственный изысканный иконостас, называемый Иоакимовским²²⁰.

По сообщению Новгородской Четвертой летописи, помещенному под 1549 г., под снесенной деревянной дьячей избой, находившейся за алтарем Софийского собора, было обнаружено древнее кладбище, на месте которого по приказу Ивана Грозного был поставлен храм Иоакима и Анны в честь рождения у него дочери Анны²²¹.

Часовня-усыпальница в честь Иоакима и Анны, поставленная над могилой жены Романа Мстиславича, указывает, таким образом, сразу на два имени, которые могла носить усопшая, — Мария и Анна. Чтобы сделать между ними выбор, необходимо рассмотреть еще некоторые обстоятельства.

Среди прямых потомков Романа Мстиславича и его второй супруги неоднократно встречаются имена как Марии, так и Анны. Имя Марии регулярно повторяется во всех последующих поколениях Романовичей вплоть до пресечения династии, имя Анны здесь встречается значительно реже²²². Как устанавливает Д. Домбровский, имя Мария носили: дочь Елены (?) Романовны и Михаила Всеволодовича Черниговского, дочь Романа Даниловича и Гертруды Бабенберг, дочь Елены Львовны и Казимира II Быгомского, дочь Юрия Львовича и Евфимии Казимировны, дочь Анастасии Юрьевны и Александра Михайловича Тверского²²³.

В нашем распоряжении есть еще одно историческое свидетельство в пользу имени Мария как наиболее соответствующего личному имени «великой княгини Романовой».

Это свидетельство имеет непосредственное отношение к истории Столпьевской башни и расположенной в ее верхнем ярусе часовни, которую, как мы видели, можно с большой

²¹⁷ См. о ней: Кишкин А. С. Мария Всеволожая — ясыня или чехиня? // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи / Отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1972; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Кем была «Мария Всеволожая». Отчество и происхождение трех русских княгинь XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 год. М., 2006.

²¹⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 417.

²¹⁹ Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI в. Династическая история сквозь призму антропонимики. С. 368.

²²⁰ См.: Брюсова В. Г. Страница из истории Софийского собора в Новгороде // Культура Древней Руси. Посвящается 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина. М., 1966; Сорокатый В. М. Храмовое строительство и иконостасы Великого Новгорода в середине — второй половине XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век.

²²¹ ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. С. 620—621.

²²² См.: Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Tabl. II—III. S. 345—347.

²²³ Ibid. S. 42.

вероятностью связывать с монастырем-резиденцией вдовы Романа Мстиславича, принявшей монашество. Спустя два столетия после смерти княгини башня в Столпье все еще оставалась храмом, и в середине XV в. при ней состоял православный священник.

Подобные сведения можно почерпнуть из послания киевского митрополита и папского легата Исидора к старостам Холма от 27 июля 1440 г. Ссылаясь на совершенное Флорентийским собором объединение церквей, митрополит берет под свою защиту некоего Вавилу, священника церкви Спаса от Столпа, требуя оградить его от незаконных посягательств на церковное имущество, которым тот пользовался: «билъ намъ чоломъ погъ Вавила отъ светого Спаса отъ Столпа, а сказываетъ что же дей обидь чинитъся ему вельми много, да и садъ дей церковный у него обирають, а нимъ то он у тое церквы живеть и Бога молить о всемъ християнстве»²²⁴.

Опираясь на приведенное свидетельство, исследователи атрибутируют ротонду пятого яруса Столпьевской башни как часовню Спаса (Преображения Господня)²²⁵.

По православному календарю три праздника Спаса приходятся на время Успенского поста (второго по важности после Великого поста), длящегося две недели — с 1 (14) по 14 (28) августа — и приуроченного к празднованию Успения Пресвятой Богородицы 14 (28) августа²²⁶. Праздники Спаса, считающиеся, таким образом, также и Богородичными праздниками, посвящены Всемиловитому Спасу и Пречистой Богородице. В связи с этим посвящение монастырской часовни в Столпье одному из главных Богородичных праздников с большой вероятностью может свидетельствовать о том, что совершить его могла княгиня-монахиня, сама носившая имя Богородицы.

Каким бы ни было личное имя «великой княгини Романовой» — Мария или Анна — едва ли это имя могло быть светским, поскольку княгиня умерла в иночестве и была погребена в монастыре, очевидно, как монахиня. Значительное число случаев наречения именем Мария представительниц рода Романовичей позволяет говорить о формировании некоего родового культа Марии, связываемого со знаменитой княгиней «Романовой», прародительницей династии.

Таким образом, мы можем установить несколько личных имен второй жены Романа Мстиславича, что вполне соответствовало традиции христианской двуименности, характерной для Рюриковичей. Ее крестильным именем, под которым она была известна еще в Византии, а также в Германии, было имя Евфросиния, а иноческим именем, полученным на Руси стало одно из имен, относящихся к Богородице — Мария или Анна²²⁷. Примечательно, что не только монашеское, но и светское имя княгини стало династическим и неоднократно воспроизводилось ее потомками. Это подтверждает наше предположение о формировании родового культа Евфросинии-Марии как прародительницы Романовичей.

²²⁴ Архив Юго-Западной России / Изд. временной комиссией для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волыньском генерал-губернаторе. Киев, 1883. Ч. I. Т. VI. № II. С. 5.

²²⁵ Обзор историографии вопроса см.: Дибя Ю. Українські храми-ротонди X — першої половини XIV століть. С. 6–7.

²²⁶ По всей видимости, церковное празднование Спаса, известное на христианском Востоке, а также в Византии еще с V в., на Руси установил Андрей Боголюбский (см.: Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М., 1997. Т. I. 2-я половина тома. С. 409–410; Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV в. М., 2001. С. 108–109).

²²⁷ Имя Мария получила и ее родная сестра Ирина, став германской королевой и женой Филиппа Швабского.